

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсц. . . 4 р. —
Отдѣл. номера по 20 к.
Съ доставкой, и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсц. . . 6 р. —
на 6 мѣсц. . . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Обозрѣнія по р. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Коптѣрѣ—Спб.,
Надеждинская, д. 19, к. 32.,
а также въ книж. маг. Валь-
да, Нев., Гости, д. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Коптѣрѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книж. маг.
Газетъ Александрова.
Въ Тывѣ—въ книж.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Земство въ Сибири. В. И. Ванка.—Подъядка сибирской благотворительности.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Кузнецка, Иркутска, Палаудора и Томска.—Какъ мы отъискивали Новую Ковенку. Д. Вербицкіи.—Автобиографія С. С. Шапова. III.—Хроника жизни за недѣлю.—Несгораящая изба Солнцева. В. Л.—Буржевыя извѣстія.—Опечатки.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАВАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

ЦѢна за годъ 8 рублей.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. оставшіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ Редакціи см. вверху.

ЗЕМСТВО ВЪ СИБИРИ.

III.

Противъ введенія земскихъ учрежденій въ Сибири могутъ быть приведены нѣкоторые, чисто практическія возраженія. Могутъ указать, напримѣръ, на недостаточную зрѣлость населенія для принятія подобнаго учрежденія и на неудобства отъ обширности разстояній. Но «незрѣлость» — не что иное, какъ общее мѣсто; оно употребляется для тормазы всякихъ улучшеній, когда не могутъ найтти другія, болѣе серьезныя возраженія. Сибирское населеніе развито, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе того, какъ было развито русское населеніе за 18 лѣтъ назадъ, когда у него вводились земскія учрежденія. У сибирскаго населенія, такъ же какъ и у русскаго внутреннихъ губерній, есть общественныя дѣла, которыя оно уже привыкло обсуждать коллективно, — въ городкахъ въ думахъ, въ селеніяхъ на мірскихъ сходкахъ, у кочевыхъ инородцевъ на султанкахъ. Эти дѣла, по существу своему, — тѣ же самыя, какія пришлось бы ему обсуждать въ земскихъ учрежденіяхъ: тѣ же дороги, школы, болѣзни, смѣты и раскладки. Ничего новаго, ничего превышающаго пониманіе *средняго* сибирскаго жителя эти учрежденія не представляютъ. Такимъ образомъ первое возраженіе оказывается вполнѣ несосто-

тельнымъ. При такихъ пространствахъ гораздо серьезнѣе, на первый взглядъ, другое возраженіе. Иной сибирскій уѣздъ, по своему пространству, равняется двумъ-тремъ русскимъ губерніямъ *). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется непосредственный личный надзоръ земскихъ дѣятелей, надзоръ этотъ былъ бы весьма затруднителенъ. Пришлось бы чрезмѣрно увеличить составъ уѣздныхъ земскихъ управъ, а соразмѣрно съ этимъ и расходы на ихъ содержаніе. Это могло бы тяжело отразиться и на личныхъ средствахъ населенія (затрудненія въ выборѣ людей), и на денежн. (возвышеніе налоговъ). Но въ дѣйствительности это препятствіе не такъ велико, какъ можетъ казаться. Оно имѣетъ только географическое, а не этнографическое основаніе. Большую часть пространства нашихъ уѣздовъ составляютъ или мѣста совершенно пустынные, гдѣ бродятъ только шородцы-звѣроловы, или съ весьма ничтожнымъ населеніемъ: таконъ, напримѣръ, весь сѣверъ Енисейской губерніи и большая часть Иркутскаго, Киренскаго и Нижнеудинскаго округовъ—Иркутской. Слѣдовательно, эти пространства должны быть совсѣмъ исключены изъ расчета †). Дѣйствительное населеніе естественна, однородными группами, на относительно небольшомъ пространствѣ, и сообщенія между поселеніями, а также между ними и уѣздными центрами, не представляютъ большихъ неудобствъ. На этихъ же пространствахъ сосредоточиваются и нужды, требующія надзора и попеченія земства. Правда, и въ этихъ населенныхъ полосахъ наши сибирскіе уѣзды (округи) представляются еще слишкомъ обширными въ сравненіи съ великорусскими. За то и потребности земства здѣсь ограниченнѣе и малосложнѣе, чѣмъ въ Россіи. Населеніе сибирскихъ округовъ обыкновенно не превышаетъ 50—100 т. душъ. (Исключеніе—

*) Пять уѣздовъ Иркутской губерніи занимаютъ пространство въ 703 т. кв. верстъ, а десять уѣздовъ Ярославской губерніи—только 31 т. кв. верстъ.

†) То же самое можно сказать о Тобольской и Томской губерніяхъ, гдѣ округа Березовскій, Сургутскій и Нарымскій въ сѣв. части слабо заселены русскими и гдѣ много пустынь, которыя не должны быть приняты въ расчетъ. За то другіе округа, какъ Курганскій, Ишимскій, Томскій и т. п. ничѣмъ не отличаются отъ густо населенныхъ дѣствъ Евр. Россіи.

только немногие густо населенные округа Тобольской и Томской губерний). Повятой, что потребности такого населения во всяком случае меньше потребностей населения в 150—200 т. д., а потому и удовлетворение их менее затруднительно. Нужно взять в расчет также географическое положение уездов. В то время, как от много уездного города внутренних губерний танутся дороги по десяти направлениям, — в сибирских городах они идут только в два, много три стороны. Во всяком случае, затруднения, происходящие от относительной общности пространств, удобства всего могут быть устранены или облегчены теми же земскими учреждениями, которая, без сомнѣнія, лучше знают свои мѣстности, чѣм канцелярские дѣятели. И притомъ, вѣдь управляютъ же округами исправники? а ихъ дѣятельность во многомъ совпадаетъ съ функциями земскихъ учреждений (надзоръ за дорогами, хлѣбные магазины, народное здоровье). Почему же коронные чиновники, перѣдко явившіеся богъ-вѣсть откуда, могутъ выполнять это успешнѣе, чѣмъ коренные жители, вѣдь и поперекъ звающіе свою мѣстность?

Можно указать еще на одно препятствіе,—непримѣнимость къ Сибири земскихъ учреждений въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Въ Сибири, напримеръ, нѣтъ предводителей дворянства, на которыхъ возложено предѣлательство въ земскихъ собранияхъ. Въ ней будутъ невозможны или бесполезны сѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ (тамъ, гдѣ они есть), для выбора уполномоченныхъ на избирательные сѣзды; избирательный цѣвъ для нѣкоторыхъ мѣстностей можетъ оказаться слишкомъ высокимъ. Особенности быта инородцевъ могутъ потребовать измѣненія для нихъ общихъ правилъ о порядкѣ выбора гражданъ. Найдутся, вѣроятно, и еще нѣкоторые подробности настоящаго Положенія, непримѣнимыя къ Сибири. Но все это чисто формальныя препятствія. Предѣлательство предводителей дворянства не только не истекаетъ изъ существа земскихъ учреждений, но прямо противорѣчитъ ему, вводя сословный элементъ въ учреждения, имѣющія чисто общій мѣстный характеръ. Собранія могутъ открываться подъ предѣлательствомъ коронныхъ чиновниковъ и затѣмъ сами избирать себѣ предѣлателей на трехлѣтіе. Сѣзды ничтожнаго числа мелкихъ землевладѣльцевъ для выбора уполномоченныхъ могутъ быть замѣнены непосредственнымъ участіемъ ихъ въ избирательныхъ сѣздахъ. Наконецъ, земскій цѣвъ и во внутреннихъ губерніяхъ признается высокимъ, и есть слухи о предстоящемъ его пониженіи. Все эти части затрудненія могутъ быть устранены измѣненіемъ подлежащихъ статей Положенія, сообразно условіямъ сибирской жизни, насколько не касаясь существа земскихъ учреждений.

Какия же препятствія, кромѣ этихъ, еще могутъ быть для введенія земскихъ учреждений въ Сибирь? Есть одно и самое важное, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали. Это антагонизмъ мѣстной администраціи ко всякой общественной самостоятельности, стремленіе ея держать въ своихъ рукахъ все нити народной жизни и заставлять ее прыгать по ея усмотрѣнію, какъ бумажнаго гаера. Какъ ни принужены въ послѣднее время земскія учрежденія въ Россіи, но, тѣмъ не менѣе, они представляютъ общественную власть, которая стоитъ на ряду съ чиновничьей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже и выше ея. Введеніе земскихъ учреждений въ Сибирь не только ослабитъ власть мѣстной администраціи вообще, но отниметъ у нея возможность распоряжаться хо-

завѣстными дѣлами и капиталами губерній, — это такое лишеніе, которое было бы невыносимо для разныхъ классовъ строителей и заготовителей. Потому-то и въ разныхъ заявленіяхъ о реформахъ, которыми будто бы скоро будетъ обогатоустройство Сибири, земская реформа обходится глубокимъ молчаніемъ: она слишкомъ непопуту мѣстнымъ заправкамъ. Вотъ самое серьезное препятствіе, съ которыми приходится бороться въ вопросѣ о введеніи въ Сибирь земской реформы. Недаромъ бывшій енисейскій губернаторъ говорилъ въ енисейской городской управѣ, что земскія учрежденія здѣсь невозможны по неимѣнію дворянства (хотя въ Положеніи о дворянствѣ не говорится ни слова). Недаромъ и на ходатайства городскихъ думъ о введеніи этихъ учреждений до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта. Съ какою бы стороны ни возникли вопросы и настоянія о введеніи ихъ въ Сибирь, у мѣстныхъ властей всегда будутъ наготовѣ рутинные отвѣты о неурядицахъ населенія, об отсутствіи дворянства, и другія отговорки, на которыя такіе мастера всякія канцеляріи, когда они захотятъ погубить или затормозить дѣло. Двинуть его впередъ можетъ только непосредственное распоряженіе высшаго правительства, какъ это было и въ городскомъ дѣлѣ,—хотя и тутъ не обходится безъ препятствій^{*)}. Состоявшееся недавно непосредственное волоченіе западно-сибирскихъ губерній министерству внутреннихъ дѣлъ можетъ значительно подвинуть дѣло введенія здѣсь земскихъ учреждений.

Введеніе въ Сибирь земскихъ учреждений необходимо. Къ введенію ихъ не можетъ быть серьезныхъ препятствій, кромѣ одного только—антагонизма мѣстныхъ властей. Поэтому, для введенія ихъ нужны—съ одной стороны, настоятельныя ходатайства мѣстнаго населенія; съ другой—прямое распоряженіе высшаго правительства. Вотъ выводы, которые, думаю, сами собой слѣдуютъ изъ нашей статьи.

В. Вагнеръ.

ПОДЪЯДКА СИБИРСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Благодаря тому, что Сибирь живетъ при старыхъ, дореформенныхъ порядкахъ, мѣстное общество не можетъ проявить себя всецѣло въ лицѣ своихъ лучшихъ общественныхъ элементовъ. При отсутствіи земства, при безучастіи интеллигенціи въ общественной жизни, самыя функции этого общества являются часто извращенными, и то, что должно выходить изъ сознанія общества органически, является искусственно навязаннымъ, искаженнымъ подъ влияніемъ дурныхъ страстей и личныхъ пристрастій.

^{*)} Въ этомъ отношеніи намъ особенно памятенъ одинъ случай сороковыхъ годовъ. Въ Енисейскомъ округѣ существовалъ Каменскій винокурный заводъ. Выкурка на немъ вина никогда не была выгодна для казны, а въ сороковыхъ годахъ когда, съ развитіемъ дозороумленности, цѣна на хлѣбъ сильно поднялась,—сдѣлалась положительной, цѣна на убожчюй. Министерство енисейское рѣшило закрыть заводъ, и обратилось къ мѣстнымъ властямъ съ вопросомъ о болѣе удобныхъ способахъ исполненія этого. Но такъ какъ заводъ, невыгодный для казны, былъ очень выгоденъ для мѣстныхъ распорядителей, то они и послѣдніе жилие о необходимости оставить заводъ. Только послѣ рѣшимаго отвѣта министерства, что мѣстное начальство спрашивалось не о томъ, нужно ли уничтожить заводъ, а о томъ только, какъ удобнѣе его уничтожить,—былъ данъ прямой отвѣтъ на вопросъ; да и то чуть ли не была выдана разныя затрудненія.

Доказательством служить помещаемое письмо из сибирских палестин, рисующее во что выродилось и обратилось дѣло благотворительности въ Сибирѣ.

«Къ вамъ, вѣроятно, доносится слухи о разныхъ у насъ пожертвованіяхъ и разныхъ возвеличенныхъ благодѣтеляхъ. Не слишкомъ доверьтесь этому, а менѣе всего искренности. Все это, во-первыхъ, дѣлается не добровольно, а во-вторыхъ, подкладку этого является честолюбіе и личные расчеты, что въ дѣлѣ благотворенія крайне неестественно. Это даже не замаливаніе грѣховъ въ старомъ смыслѣ, когда купчина-кулакъ и подрядчикъ, оборвавъ крещенный народъ, ставилъ пудовую свѣчу. Можетъ быть, у этого стараго кулака шевелилась совѣсть, являлся страхъ будущаго расчета за гробомъ; у новаго типа благотворителя ничего подобнаго нѣтъ. Его благотвореніе и жертва—прямой расчетъ на новую прибыль, дѣль его—новый грѣхъ, а благотвореніе—средство.

«Въ виду того, что эта страшная язва укореняется все болѣе и болѣе и можетъ разростись до громадныхъ размѣровъ, мы считаемъ необходимымъ обратить на нее особенное вниманіе. Необходимость эта вызывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что люди честные и развитые и даже лучшіе органы печати какъ-бы не замѣчаютъ всего зла, скрывающагося подъ маской дѣль благотворительности и филантропическихъ затѣй, и своимъ снисходительнымъ отношеніемъ способствуютъ развитію этой язвы. Нужно ли построить церковь, школу, нужно ли поддержать какое-либо предпріятіе, помочь учрежденію, лицу, всё невольно начинаютъ взирать на мѣстныхъ богачей, въ надеждѣ на ихъ щедроты. Такая надежда, разумѣемъ, естественна, а разъ она оправдалась, естественно рождается и чувство благодарности къ богачу, удѣляющему часть своего состоянія на честное, хорошее и полезное дѣло, осуществленіе котораго для всякаго честнаго человѣка желательно. Вотъ тутъ-то и заключается роковая ошибка. Всякій, видя непосредственный результатъ пожертвованія, оставляетъ въ сторонѣ заднія мысли и цѣли жертвователя, игнорируетъ тѣ результаты пожертвованія, о которыхъ втайнѣ мечтаетъ благодѣтель и въ лучшемъ случаѣ, болѣе провинциальный оправдываетъ свою снисходительность выраженіемъ съ паршивой собаки хоть шерсть клоку». По нашему мнѣнію, всё такіа пожертвованія безразрѣчны и не только насильственный сборъ ихъ, административнымъ порядкомъ, но весьма часто и самый пріемъ безусловно вреденъ. Высказанную мысль мы постараемся доказать различными соображеніями и примѣрами.

«Творческая дѣятельность губернскихъ начальствъ бываетъ весьма часто фантастична и капризна, часто создается дѣло съ спеціальною цѣлью составить приятное и полезное развлеченіе для супруги губернскаго помпадуръ, власти имущаго лица. Уже одно это, съ виду невинное, созданіе какой-то дѣятельности для пустой, мелкой и тщеславной барыни, въ сущности, и безнравственно, и вредно, потому, что подъ видомъ цѣлей благотворительныхъ скрывается самое отчаянное бездѣльничество и, наконецъ, потому, что на это бездѣлье усленно привлекаются массы людей, которымъ начальство внушаетъ, совѣтуетъ примкнуть «къ дѣлу», помочь незнакомому чему, и тѣмъ отвлекаетъ людей отъ исполненія ихъ рѣшительныхъ обязанностей. Пойдемъ далѣе. Когда на осуществленіе какой бы то ни было затѣи требуются значительныя суммы, тогда начинается дѣйствовать уже не супруга превосходительной особы, а самъ

начальникъ. Для этой цѣли составляется всегда планъ, зрѣло и систематически обдуманый, тонко рассчитанный на разныя людскія слабости. Осѣчки при этомъ никогда не бываетъ. Извѣстно, что особа, облеченная, напримѣръ, властью генералъ-губернатора или губернатора въ такомъ краѣ, какъ Сибирь, является всемогущею, а потому знакомство съ нею почитается за великую честь, которой всѣми силами добиваются всевозможныхъ сортовъ благодѣтели, располагающіе капиталомъ. Когда знакомство достигнуто, добиваются расположенія особы и, наконецъ, ждуть отъ нея великихъ и богатыхъ милостей въ видѣ какой-либо медали, ордена, мундира съ расшитымъ золотомъ воротничкомъ, публичной благодарности и т. д., составляющихъ предметъ самыхъ затаенныхъ мечтаній этихъ людей, въ Сибирѣ, готовыхъ жертвовать за полученіе такого вещественнаго расположенія тѣмъ угодно. Особа, зная эти слабости, начинаетъ загрызвать, дѣлать съ визитомъ, подсылаетъ свою супругу съ визитомъ же, печатаетъ приглашеніе билеты на чай, закуску, обѣдъ, и, мало-по-малу, соблазняетъ сибирскаго туза, у котораго ничего нѣтъ за душой кромѣ капитала, нажитаго самыми возмутительнымъ образомъ. Особа ведетъ игру далѣе, начинаетъ между соблазненными дѣлать различіе, одного подкупить къ себѣ поближе, другою держитъ ноздольно, но такъ, чтобы они это видѣли, а увидѣвъ, они другъ передъ другомъ изъ кожи лѣзутъ, другъ друга желаютъ перецѣловать. Въ это время съ ними можно дѣлать что угодно, хоть веревки вить, хоть въ узелъ вязать. Тогда начинается откровенная бесѣда, особа выпытываетъ, по опыту очень тонко, кому чего хочется. Одинъ говоритъ, что ему нуженъ орденъ, другому мундиръ, третьему, ну, и т. д. Особа говоритъ тогда, что все это можно, во нужнее же какой-нибудь предлогъ, «чтобы и предстать вѣсь къ наградамъ». Пожертвуйте столько-то тысячъ на пріютъ, пожертвуйте въ тюремный комитетъ и т. д., и соблазненные рады стараться, одинъ, другой, пятый, десятый отсыпаетъ тысячи. Вотъ одна сторона медали и вотъ результаты благодарныя «гражданина и патриота своего отечества», видны для всякаго. Повернемъ медаль другой стороной. Изъ-за чего хлопотаетъ особа, чего ради она жметъ часто запятившую грязью руку и чего добивается эта рука? Особа этими сборами пожертвованій всегда упреждаетъ мнимую репутацию какъ «человѣка энергичнаго, заботящагося о благѣ общества». Безъ всякаго труда, безъ таланта убиваются два добра: съ одной стороны общество славословитъ своего начальника, какъ менената, насадителя культуры и образованности въ странѣ, какъ просвѣтителя, а съ другой — и начальство видитъ «плодотворную и полезную дѣятельность» особы, по насажденію въ краѣ различныя блага и вскипываетъ ее своимъ вниманіемъ, т. е. расширять предѣлы власти особы и увеличивать ея окладъ, окладъ—вотъ самое главное. Но и жертвователю за свои благотворенія и благодарныя не остается въ накладѣ. Не говоря о томъ, что само по себѣ знакомство съ особою, сама по себѣ благодарность высшей власти, особенно, если она сопровождается какой-нибудь грамотой, вещественнымъ выраженіемъ этой благодарности въ видѣ мундира съ золотымъ воротничкомъ или медали, въ видѣ вышиванія портрета благодѣтеля въ благотворимомъ имъ учрежденіи, имѣютъ страшное значеніе въ Сибирѣ, странѣ поклоненія этимъ предметамъ, доходящаго до рабства, до

того, что человекъ весь вѣкъ живетъ въ мечтахъ о такой милости, не говоря о томъ, что благодѣтель, получившій благодарность, сразу вырастаетъ до небесъ, всѣмъ гичетъ своей наградой, становится недоступнымъ, заноситъ и всюду, въ обществѣ, на гуляньяхъ, на вечерахъ, въ школахъ, въ церкви, вездѣ задаетъ токъ, требуетъ себѣ особаго почтения отъ всякаго встрѣчнаго; не говоря объ этомъ, благодѣтель имѣть всякую возможность навертаетъ свои жертвы сторцею. Можно сказать, что всякое такое пожертвованіе есть деньги, отдаваемые за громадные ростовщические проценты, къ платежу которыхъ привлекается все окрестное населеніе. Воспользовавшись довѣріемъ власти, которая настолько не бываетъ провинцальной, и заручившись ея расположеніемъ и благодарностью, благодѣтель открываетъ усиленную атаку противъ населенія, которое ему опутать своими тесетами. Начинается рядъ разныхъ мошенническихъ дѣлъ, забалаются сотни людей, обдѣлываются ловкимъ образомъ казенные подряды, творится беззаказанно уголовныя преступленія. Такимъ-то путемъ кулакъ вырастаетъ въ грознаго хищника, въ страшную язву населенія, всегда пользующагося снисхожденіемъ администраціи. Вотъ какую представляется обратная сторона медали, вотъ что получается въ результатъ отъ пожертвованія.

«Посмотрите затѣмъ къ кому обыкновенно обращаются мѣстные администраторы, кто избирается въ число благотворителей, кому ввѣряется эта почетная функція, это лучшее дѣло человѣколюбія, словомъ, насколько здѣсь присутствуетъ нравственная подкладка?»

Въ томъ же письмѣ говорится: «Одинъ изъ жертвователей, который получаетъ почетное званіе, ни больше, ни меньше, какъ грубый, заскуристый кулакъ и кабачникъ, за мошенничества неоднократно привлекавшій къ отвѣтственности и въ настоящее время оставленъ судомъ въ подозрѣніи за кражу дѣлъ о немъ посредствомъ подкупа (въ настоящее время уголовныя дѣла объ этомъ благодѣтели хранятся въ Т. у казначея подъ замкомъ, именно въ дѣтские способности ихъ печезать изъ суда). Онъ настолько себя ошорилъ даже передъ невзыскательнымъ сибирскимъ обществомъ, что его выгнали изъ гласныхъ думъ и директоровъ сиротскаго суда *). Другой благодѣтель принадлежитъ къ той же категоріи, также оставленъ судомъ въ подозрѣніи за кражу уголовныхъ дѣлъ о немъ. Третій благодѣтель—подридчикъ, личность очень темная, которая, по разсказамъ, подозрѣвается въ распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, скупъ краденаго золота, содержаній публичнаго дома въ одномъ городѣ и т. д. Четвертый—простой мужикъ, кажется и неграмотный, кулакъ, занимающійся чужъ не разбосемъ на трактовой дорогѣ, пятый тоже. Шестой—заводчикъ, очень извѣстный въ городѣ по убійству одного чиновника и по разнымъ другимъ дѣламъ такого же характера. Седьмой недавно публично битый субъектъ и т. д. Изъ этого перечня ясно видно, на что и въ какихъ дѣлкахъ могутъ и будутъ жертвовать эти люди. Нравственно ли подобныхъ людей вознмать въ общества, создавать имъ почетъ, награды, когда ихъ въ другомъ мѣстѣ ожидать бы уголовный судъ!»

Авторъ письма задаетъ вопросъ послѣ этого: «Въ какое

положеніе ставить себя мѣстная администрація, выдвигая и поощряя такихъ дѣтелей?»

«Этимъ же объясняется масса злоупотребленій въ Сибирѣ. Зарекомендовавъ себя благотворителемъ, давъ такъ сказать откупъ, благодѣтель, почетный членъ благотворительныхъ учрежденій въ остальной своей дѣятельности позволяетъ себѣ все. Эти тузы у насъ въ Сибирѣ кабалютъ внирода, провозятъ къ нему водку, обращаютъ золотопромышленныхъ рабочихъ, создаютъ монополіи и кабаки. Противъ многихъ изъ нихъ возбуждены дѣла въ судахъ. Понятно, что имѣло взытаніи оцн готовы на пожертвованія. Такими благотворителями казшатъ торговые города Сибирѣ. *) По кромѣ привлеченія къ пожертвованіямъ монополистовъ и кулаковъ, въ Сибирѣ практикуется и еще болѣе грубый способъ пожертвованія—по приказанію.

«Обыкновенно администратору (генераль-губернатору, губернатору и исправнику) приходитъ въ голову кака-нибудь затѣя, для осуществленія которой всегда требуются деньги. Немедленно посылаются предписанія по инспектирующимъ инстанціямъ, оны генераль-губернатора до засѣдателя и волостнаго писаря, собрать денегъ на такое-то дѣло. И вотъ, назначается безперомное выколачиваніе денегъ съ кого пошло и на что пошло. Такой способъ въ девяностомъ употребленія въ Сибирѣ и не считается противозаконнымъ. Исправники выполняють предписанія беспрекословно и энергично. Вздумаю, напримеръ, одинъ главный администраторъ въ Западной Сибирѣ создать затѣю—какой-то пансіонъ, съ залами для танцевъ, и послалъ губернаторамъ предложеніе помочь. Въ двѣ недѣли одинъ изъ исполнителей сдѣлалъ обязательный сборъ въ губерніи: прикалакъ и привезъ 15,000 р., собравшихъ съ населенія посредствомъ исправниковъ. Что же это за добровольное благотвореніе? Мало того, такіе сборы дѣлаются не на одни пріюты и училища, а и на театры. Какъ-то омускому чиновничеству нуженъ былъ театр, а денегъ не было, и вотъ, предложили помочь уѣзднымъ начальникамъ, а тѣ собрали поборъ съ киргизовъ, которымъ до театра не было никакого дѣла. Но если кулаки-монополисты и торговцы могутъ иногда отклониться или поупорствовать, то среди крестьянскаго населенія исправникъ, предлагающій подишеу, дѣлаетъ навѣрняка. Благотворительность здѣсь переходитъ въ «темный поборъ» земской полиціи. Напримеръ, какъ сибирскій крестьянинъ дѣлается жертвователемъ въ пользу богатыхъ городовъ и состоятельныхъ классовъ, также бедня. Вздумаю въ Читѣ выстроить гимназію, не хватаетъ денегъ—начали усилепо собирать ихъ съ забайкальскихъ крестьянъ. Вздумаю строить учебное заведеніе въ одной губерніи, начали собирать на него деньги въ другой губерніи, и можете вообразить съ кого, съ несчастныхъ инородцевъ, которые даже и не знали на какую надобность собирать съ нихъ деньги. Вздумаю строить телеграфъ, опять тѣхъ же крестьянъ обязали поставкой стоголовъ. «Во время открытія Амура Верхотенскій округъ доставлялъ хлѣбъ для Амура въ Читѣ раскладкой, по цѣнѣ назначенной исправникомъ, цѣна же была назначена низкая, такъ что хлѣбъ отдавали даромъ, а за провозъ до Читы еще припичивали изъ своихъ денегъ**). Та-

*) Особа эта очень уславно хлопочетъ о проведеніи его директоромъ горскаго комитета.

*) Обращаемъ вниманіе также на корреспонденцію изъ Павлодара въ извѣстномъ № «Восточн. Обозрѣн.»,

**) Сибирская Газета № 35, 1882 г. стр. 836.

кимъ образомъ часто подъ видомъ благотворительности можно население обездолить. Замѣчательно, что многіе изъ разныхъ филантропическихъ предпріяній и сооружений рѣшительно не вызываются нуждами городовъ и потребностями въ краѣ, а составляютъ иногда личную фантазію. Одинъ администраторъ создаетъ сегодня одно, а другой завтра другое. Поэтому эти благотворительныя общества и учрежденія иногда безсѣдно уничтожаются, поглотивъ массу денегъ. Около такихъ обществъ всегда есть директора, почетники и секретари, которые закупаютъ смѣты и въ концѣ закупаютъ дѣла. Мы предлагаемъ судить, къ чему приводитъ такая благотворительность.

«Наше искреннее желаніе, заканчиваетъ авторъ письмо, чтобы святое дѣло благотворенія въ Сибири поскорѣ перешло въ руки самого общества, чтобы оно перестало служить хищническимъ цѣлямъ, средствомъ замѣняющимъ взятку, чтобы оно не дожидало бременемъ для населенія; самое разрѣшеніе этихъ учрежденій строго контролировалось, наконецъ, чтобы не слишкомъ доверяли въ столицахъ мѣстнымъ представителямъ. Кромѣ того, безусловно необходимо запретить подшеку чрезъ волостное начальство и исправниковъ, что составляетъ скорѣе обязательный поборъ и подрываетъ податныя платежныя способности населенія».

ХРОНИКА.

15-го октября въ обществѣ содѣйствія русскому мореходству г. Сиденсера прочелъ слѣдующій докладъ:

М. Г., въ прошлыхъ моихъ докладахъ я изложилъ вамъ нѣкоторыя подробности относительно устройства обь-енисейскаго воднаго сообщенія. Въ настоящее время стѣну довести до нашего свѣдѣнія, что 27-го іюля проектъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Не повторяя вновь всей интересной исторіи этого дѣла, изложенной подробно въ отчетѣ по моему исполненію 1875 г. и напечатанной въ издеченіи въ Изв. И. Р. Г. О. за 1878 г., считаю необходимымъ напомнить только, что вопросъ о соединеніи Оби съ Енисеемъ впервые былъ поднятъ официальнымъ путемъ въ 1797 году, а въ 1798 году носиловало Высочайшее повелѣніе на соединеніе этихъ рѣкъ воднымъ путемъ.

Несмотря на важное значеніе для Сибири ея великихъ водныхъ путей, дѣло это, поднимавшееся пѣськолко разъ какъ правительствомъ, такъ въ особенности частными лицами, не имѣло успѣха до 1875 года, когда въ управленіе министерствомъ путей сообщенія поступилъ генералъ-адъютантъ Посельскій.

Экспедиціями министерства путей сообщенія 1875—78 годовъ еще разъ была признана полная и легкая возможность устройства въперывающаго воднаго пути изъ Оби въ Енисей, а въ сентябрѣ 1881 года разработанный министерствомъ путей сообщенія проектъ этого сообщенія былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

По этому проекту предполагалось произвести работы въ такихъ размѣрахъ, чтобы суда съ осадкою въ 7 четвертей, длиною 22 саж. и шириною 3 1/2 саж., могли свободно проходить въ обѣ стороны. При такихъ условіяхъ на производсто всего необходимыхъ работъ была назначена смѣта въ 8.000.000 руб. и срокъ работъ предпологался семилѣтній. Но принимая во вниманіе необходимость ускоритъ окончательное рѣшеніе этого вопроса, министерство путей сообщенія призвало возможнымъ ограничиться на первое время сооруженіемъ соединительнаго канала и нѣкоторой расчисткой рѣчекъ отъ корневъ и мелей, для движенія по этому пути на первое время лишь судовъ маломѣрныхъ. По разсмотрѣнію этого дѣла въ государственномъ совѣтѣ 15 мая и 4 іюня и по Высочайшемъ утвержденіи отъ 27 іюля, министерство путей сообщенія разрѣшено съ будущаго 1882 года приступить къ производству работъ, необходимыхъ для устройства этого пути въ такихъ уменьшенныхъ размѣрахъ. На расходы

по этимъ работамъ предполагено внести въ смѣты 1883 и 1884 годовъ по 300.000 руб., а всего 600.000 руб.

Такимъ образомъ, благодаря особенному сочувствію высшаго министерства путей сообщенія устройству водныхъ путей Сибири, мы находимся наконецъ наканунѣ окончательнаго разрѣшенія вопроса о соединеніи Оби съ Енисеемъ, подвигаго еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Но, мм. гг., какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ приведеніемъ рѣки Ангары въ судходное состояніе и съ устройствомъ удобнаго пути далѣе отъ Байкала въ Амуръ.

Только съ устройствомъ удобнаго пароваго пути отъ Урала до береговъ Тихаго океана можно ожидать правильнаго экономическаго развитія Сибири и только тогда, когда наши южно-усурійскія окраины будутъ связаны надежнымъ путемъ съ Европейскою Россіей, можно будетъ рассчитывать на развитіе въ водахъ Тихаго океана русскаго торговаго мореплаванія.

Съ окончаніемъ постройки уральской желѣзной дороги, соединеніе Оби съ Енисеемъ составитъ связующее звено этого длиннаго пути; поэтому-то извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи этихъ первыхъ въ Сибири гидротехническихъ работъ будетъ, я надѣюсь, принято нашимъ обществомъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ «Новое Время» корреспонденція изъ Владивостока сообщаетъ, что тамъ разрѣшена газета «Владивостокъ». Редакторъ ея Соллогубъ служитъ чиновникомъ въ штабѣ губернатора и въ настоящее время уѣхалъ въ Одесу, для покупки типографіи. Нельзя не пожелать полнаго успѣха газетѣ, прибавляетъ корреспондентъ. Крайній Востокъ, въ особенности Сахалинъ, нуждается въ гласности не менѣе, чѣмъ въ хлѣбѣ насущномъ. Намъ извѣстно, что мѣстный губернаторъ, адмиралъ Фельдгаузенъ, рѣшительно выдѣляется по своему сочувствію къ изданію будущей газеты. 1-й № изданія надѣется выдать 14-го ноября этого года. Въ Хабаровскѣ, какъ кажется, также будетъ издаваться газета; изданіе ея исходитъ изъ необходимости печатанія приказовъ и циркуляровъ. Газета, вѣроятно, будетъ подобіемъ губернскихъ вѣдомостей. Редакторомъ ея называють г. Волохова». (№ 2374).

Сочувствуя въ свою очередь водворенію станка Гуттенберга на берегахъ прекраснаго Амура, особенно же если эти мѣстные органы печати будутъ служить дѣлу гласности, мы болѣе въ то же время, зная мѣстные условія, что надежды эти не воплотятъ могутъ оправдаться. Изданіе официальныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» по извѣстной программѣ хорошо извѣстно, «гласности» въ нихъ корреспондентъ разумѣетъ оригинально въ печатаніи мѣстныхъ циркуляровъ. Такая «гласности», конечно, возможна. Что касается газеты г. Соллогуба, то, принимая во вниманіе служебное положеніе въ штабѣ губернатора, мы и эту газету не можемъ принять за независимую. Мы не прочь выслѣть съ господами корреспондентами согласеніе, что Амурскій край нуждается въ гласности. Опытъ такой гласности былъ, и это мы помнимъ въ 60-хъ годахъ. Извѣстно также, какую услугу оказала эта гласность въ лицѣ напечатаннаго въ то время Дмитрія Приваровича Закалишина. Вотъ такой гласности мы отъ души желали бы для современныхъ амурскихъ дѣланій и проектовъ.

Въ нашей газетѣ было помѣщено извѣстіе, что въ Томской губерніи недавно открыто цѣлое дѣлство, исправно получавшее ежедневно жалованье, но существовавшее только на бумагѣ; теперь оказывается, что это случилъ въ Томской губерніи не единственный. По извѣстію, напечатанному въ «Томскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ», въ томской городской управѣ обнаружены злоупотребленія бухгалтера; при повѣркѣ оказалось, что дума платила жалованье несуществующимъ городскимъ и переплатила такимъ образомъ 400 рублей. Къ этому извѣстію редакция «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» прибавляетъ: «Мы слышали, что на обсужденіе думы въ ближайшее собраніе нѣкоторыми гласнымъ будетъ внесенъ вопросъ о возможности оставить бухгалтеромъ думы и на будущее время лицо, учащенное въ злоупотребленіяхъ, имѣющихъ свое названіе въ уложеніи о наказаніяхъ». Такое рѣшеніе этихъ гласныхъ, вѣроятно, вызвано, тѣмъ обстоятельствомъ, что городской управа, повидимому, хотѣла ограничиться пополненіемъ бухгалтеромъ излишне израсходованныхъ

денег. По поводу слуха, сообщаемого редакцией «Томских Губернских Ведомостей», можно сказать только одно: хорошо бы, если бы подобные взгляды на чистоту общественной нравственности распространились и в других местах Сибири, в которой, как это всем известно, лица, учащенные в злоупотреблениях, имеющих свое название в улогах и наказаниях* не только терпима в высших слоях общества, но нередко пользуются покровительством администрации и местных капиталистов. Не говоря уже о местах восточных пусарей, весьма часто раздаваемых местною администрацией ссыльно-поселенцам, подобных лиц мы видали нередко и в других более выдающихся местах: человек, оборотавший одну петербургскую редакцию, занимая место конторщика у первого капиталиста в сибирском городе; подбиватель векселей был арендатором городского театра; аферист, составивший за темная дела, главным подрядчиком казни; составитель фальшивых бумаг присяжным писателем, защищающим местную администрацию в петербургской журналистикой. Высшая администрация края своей неработчивостью во выборе людей, отдавая предпочтение таких общественно-воспитательных органов, как театр или редакция местной газеты, — в руки людей сомнительной репутации, подавала дурной пример сибирскому обществу. Желание томских главных протестователю побить подобного индифферентизма к нравственности служебного персонала иметь видях хроникальная со стороны самого общества. С этой точки зрения ее опубликованной замечкой в «Томских Губернских Ведомостях» трудно не согласиться.

Наравн с иностранскими европейскими известиями из Вены, Пешта, Константинополя, в столичных газетах мы прочли телеграмму из Томска об открытии владимирского приюта для арестантских детей. «Денежные средства на содержание приюта собраны при горячем участии томского губернатора Мердатова», сказано в телеграмме. На общ. собрано 1.250 руб. на учреждение в приют стипендий имени г. Мердатова*.

В то только что полученном номере неофициальной части «Томских Губернских Ведомостей» сообщается следующая история приюта. Приют основан не вишь, а в 1855 году он образован из детского отделения при тюрьме. В 1868 году выстроено было особое здание на счет экономических сумм, в приют стали принимать не только дети местных арестантов, но и дети сирот умерших на дорог ссыльных; а так как число их было не особенно велико, то решено было принимать и детей бедных жителей. На 80 детей в 1882 г. было арестантских детей только 39. Такое учреждение приюта может показаться странным. Дети перемешаны арестантов сюда попадали совершенно случайно, а приют содержался на счет экономических арестантских сумм, где принимались и дети свободных сословий. Далее, было выстроено новое помещение, а помещать было некого, надо было искать кого поместить из сирот города.

О хозяйств. приюта «Томских Ведомостей» сообщают: До 1881 г. комитет отпуская на содержание приюта до 4.000 р. ежегодно, и крофт того из сумм дамского отделения до 2.000 р. Но вот что происходило. «Этот превышающий средства комитета расход повел к разстройству его денежного положения, так как крофт содержания приюта, требовался еще ремонт зданий (каких? неужли выстроенного приюта), на что в течение 12 лет израсходовано 17.500 р.*. Жаль, что здесь не разъяснена эта темная история, а она могла бы быть очень поучительна. В заключение тюремный комитет отказывается от всех расходов и передает приют в ведение дамского отделения. Дамское отделение обладало очень богатым запасом филантропических чувств, но весьма скудным карманом. Это отделение имело всего 850 р. в год, а расходы по приюту возросли до 6.000 р. в год. Спрашивается, какой же расчет был создавать такое учреждение, когда не было средств для его поддержания? Фирма торгового дома «Петрова и Михайлова» выстроила дом, они имевт 7 комнат, больницу, мастерскую, столовую, помещение даже для смотрительницы, баню, погреба, прачешни, заводы и т. п. Все это прекрасно, но почему же не было предусмотрено, что все эти заведения потребуют огромных расходов. Никакое земское, никакое городское хозяйство этого не допустило бы. По календарю Западной Сибири видно, что в Томск

существуют крофт того 2 приюта, если не 3, для бедных детей города, и в них 227 детей. Приюты эти обеспечены и не требуют общественной помощи. Что же заставило создавать новый приют, неизв. средств, а не размещать детей в существующей? Ино, что в учреждении подобного приюта было что-то искусственное, а это объясняется огромными расходами из тюремного комитета. Показно, что обществу пришлось за это искусственное здание когда выбул рассчитаться. Понадобились жертвы и сборы. Надо было их привлекать искусственным же образом, и вот собрано, благодаря вниманию губернатора, внос. 28.025 р., а общ. сумма для содержания приюта и фонд его стоит 47.275 р. обществу. Управление приютом также должно было немыслим новия перемены. Уверждается новое незначительство с почетными членами из местных купцов и торговцев. Выиграет-ли дело при новом управлении и повечествов—покажет будущее. Видь и прежде оно управлялось филантропами.

Остается ему пожелать всех благ и, при сосредоточении местных капиталов и привлечении жертвователей, избавлении только от этих недостатков сибирской благотворительности, также от игры в честность, замывкой истинной гуманности, неразборчивого привлечения благотворителей и крайне дурного ведения хозяйственных дел.

К хроник. местной жизни по делу бывшего головы, о тем уже было в печати, нам сообщают: После вызова бывшего головы в Енисейск прошло более месяца, а дело оставалось в одном положении. Нония, что дело оттягивается в длинй ящик, Сидоров решил собрать сход, какой и был созван нем в начал мая. Так как заведатель Л. официально запретил созвать сход по делу Сидорова,—то сход был тотворована желанием ходатайствовать перед губернатором: 1) о выдаче из занасного магазина хлеба на обменение полей и 2) об отъезд, по случаю бедственного положения волости, обязательных работ по дорожной повинности, за исключением особенно нужных починков мостов и татей. Когда свидание об этих двух предметах было окончено и оформлено в приговоры, голова предложил избрать двух уполномоченных для личного ходатайства перед губернатором по поводу его столкновения с исарем. Короленым и заодно уже поручить им представить утвержденные приговоры лично губернатору. Глашанки выбрали депутата и уполномочили голову израсходовать на путевые издержки их до 60 рублей из «тунной» сумм. Чрез 6 дней депутаты вернулись из Красноярка ни с чем: насчет хлеба и дорог из кое-что общади, да не исполнили: о головах же они и не знали, так как люди, к которым они обратились за составлением прошения (им велено было подать об этом письменное прошение) сильно наугали их, шароанов изм. т. ужасны последствия, которым они могут подвергнуться за такую прозорность.

Дело на время затихло. Но вот прибыл в Вязое для производства свидения по делу Сидорова губернский стряпчий. Он поохотился с заведателем и исарем, потогодал о пользе общего мира и согласия — и улетел. За ним прибыл в с. Вязое следательно для ревизии торгово-промышленных заведений яновичев особых поручений енисейской казенной палаты. Без неалого права и уполномочия, только из желания угодить г. Л., — он явился с постыдным вь волостное правление, — позвать туда голову, — ядоме с Л. отняли у Сидорова печать и вручили ее кандидату по головах, креатур г. Л.; процедуру эту совершил торжественно, в присутствии крестьян, — желая, так сказать, дискредитировать этих Сидорова в глазах последних... Между тем, исарь Королев стал упрекать волостного старосту Кучина в «роздрат» 60 рублей из тунной сумм: это было в явн. Обиженный Кучин попросил собрать сход для учета сумм. Л. наложил свое veto. Кучин, зная, что всякий, на руках которого находится волостная сумм, имевт право требовать учета, отправил кандидата своего Зыряна словесно пригласить, по участкам, общественников на сход. 14-го июня собрался сход, не взирая на грозную запрети-

* Тунной (отъ слова «туня») называется сумм, образованная от сборов с крестьян при проезд губернаторов, архиереев и пр., ввиду незаписываемых.

тельную бумагу заседателя, и потребовать от писаря учета. Король преспокойно заявлял сходу, что сходить для него ничего не значить и никаких отговорок он давать не намерен, поинтересоваться по счёту схода, заперь канцелярию и ушел домой. Так как состав приговора некому было (помощник Корольва и сельский писарь отказались), сход отправил уполномоченных к попу,—по попю, опасаясь posljedней, отказали; обращаются к новому учителю (замбившему Черепанова по протекции г. Л.), но и тот отказался, хотя ему предложили за составление приговора 21 рубль. Наконец, добры грамота (в деревн Селмановой), согласившаяся составить приговор, коим два крестьянина (Миронов и Русаков) уполномочиваются подать прошение от имени общества губернатору об удалении писаря Корольва за его мошенничество, выразившаяся: 1) в употреблении 8 пудов железа со сгорявшего общественного дома для своего собственного дома; 2) в утайке, при аукционной продаж, 12 пудов ржаного хлеба, оставшегося от умершего поселения Егорова; 3) в сокрытии двух быков, подержавших такой же продаж; 4) в несправильной раскладке податей и повинностей на 1882 г.: иротив раскладки казенной палаты оказалось излишне-наложенного на каждую ревизскую душу по 43/4 к., в чем и д. исправника, г. Баторович, уличил писаря при обществ. 26-го мая.

Так как заседатель предлагал письменно не давать писарю-говору выбранным уполномоченным, то они отправились 16-го июня в Красноярск сь одними удостоверениями старосты. 19-го июня уполномоченные подали прошение и д. спийскаго губернатора и получили обещание, что через недлю будет прислан к ним заседатель.

Конца этому делу, однако, и теперь еще нѣтъ. Посылае темные слухи, что предполагается в скором времени приехать Ситорова кь сядельству серьезнаго свойства. Очень вѣроятно: вѣдь навлек же Л. официально и письменно на Черепанова обвинение, желая его уличить; почему же не поступит такъ и с Сидоровым. Какое завидное вѣстие у сибирскихъ заседателей! можно им прибавить кь этому известію.

Въ статьѣ, помѣщенной въ „В. О.“ № 18, о минусинскомъ публичномъ музеѣ, вкрадены неточности; намъ присланы поправки, которыя здѣсь и спешимъ помѣстить? Во-1-хъ, основатель музея, г-нъ Мартыновъ питомецъ не казанскаго, а московскаго университета, ученикъ профессоровъ Ан. П. Богданова и Г. Е. Шуровскаго, и отправился въ Сибирь сь опредѣленными намереніемъ посвятить свои труды на изслѣдованіе Сибири; во-2-хъ, г. Мартыновымъ не было продаваемо никакихъ древностей даже сь дѣлью выручки средствъ для улучшенія музея; поводомъ же кь подобному сану послужило слѣдующее обстоятельство: въ рукахъ минусинскаго исправника А. Баранова находился золотой браслетъ, стоившій 100 руб.; боясь, что эта вещь, а также дѣь серебряныя древнія вазочки, также находившіяся въ частныхъ рукахъ, могутъ пропасть для науки, въ минусинскѣ же музей приобрести такая дорогія вещи не было средствъ, г. Мартыновъ известилъ известнаго собирателя и знатока сибирскихъ древностей г. Лонгина, которымъ они и приобрѣтены. Въ-3-хъ, минусинская дума состоитъ изъ людей средняго достатка и скорѣе бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ; сумми, отпускаемыя городомъ на образованіе вообще и въ частности на публичный мѣстный музей, весьма значительны, если принять во вниманіе скромный городской бюджетъ. Вотъ свѣтъ расходовъ Минусинска на 1882 г.: на городское управленіе 3924 р., содержаніе пожарной части и острога 3252 руб., учебныя заведенія, музей и библиотека 5050 р. (городское трехклассн. училище 3750 р., женск. гимназія 800 р., музей и библиотека 500 р.), разные расходи 1117 р., всего 13,343 р. Сравните эти цифры съ слѣдующими, замѣшвованными изъ недавно изданной прекрасной книги: „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“: Омскъ изъ общихъ расходовъ 32,279 рублей тратитъ на народное образованіе только 1692 руб., Томскъ изъ общихъ расходовъ въ 139,695 руб. только 7,693 руб., Иркутскъ изъ сумми 190,415 только 14,847 р.; другими словами, Минусинскъ даетъ на школы 37%, Иркутскъ 7%, Омскъ всего 5%.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Кульджи (корресп. «Восточн. Обозр.»). Граница наша сь китайскими владѣніями проведена отъ впаденія р. Баянгола внизъ по р. Текусу до впаденія въ нее р. Сюмбе, даѣе—вверхъ по теченію послѣдней до Сарытау, отсюда по вершинамъ этихъ горъ и затѣмъ, перейдя черезъ р. Косанъ—по вершинамъ горъ, отдѣляющимъ эту рѣку отъ Карагады, на гору Сарыназай. Переваливъ Бюдютинскій хребтъ, граница пойдетъ на юго-западъ мимо Калдыкта, оставшая поля и орошеніе послѣдняго въ нашихъ предѣлахъ. Въ виду опредѣленности дальнѣйшей границы, комиссаръ генералъ Фриде, уговорившись съ китайскимъ комиссаромъ Чаномъ, выѣхалъ на время въ г. Вѣрный лѣвымъ берегомъ р. Или, по неотложнымъ дѣламъ управленія областью; возвратится онъ уже на р. Борготолу, куда комиссія, оставшаяся подъ руководствомъ надв. совѣта Пантусова, поведетъ границу черезъ Хоргоа, уже безъ участія генерала.

28-го августа, комиссія выступила изъ селенія Калдыката къ р. Или на устья р. Хоргоа

Иркутскъ. 25 августа (корресп. «Вост. Обозр.»). Приѣздъ новаго начальника губерній въ Сибирь, можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, составляетъ важное событіе. Такое событіе совершается здѣсь 17 августа: приѣхалъ новый губернаторъ, г. Песочный. 19-го былъ у него приемъ должностныхъ лицъ. На этомъ приемѣ г. Новосильцевъ произвелъ приятное впечатлѣніе: онъ со многими разговаривалъ, почти всѣхъ разспрашивалъ о прежней и настоящей ихъ службѣ. Онъ просилъ чиновниковъ помогать ему и знакомить его съ положеніемъ дѣлъ и мѣстными порядками, потому, что хотя онъ и занимался прежде административными дѣлами, но Сибирь имѣетъ свои особенности, а главное, здѣсь нѣтъ земства, гласнаго суда и независимой печати, которая раскрываетъ администраціи глаза на многое, что иначе было бы отъ нея скрыто. Этого отъѣзда подаетъ мѣстной печати нѣкоторую надежду на думныя времена.

22-го былъ приемъ гласныхъ думы и основанныхъ представителей. Наши гласные вообще неохотники до парадныхъ приемовъ: собралось всего человѣкъ двадцать. Въ рѣчи своей гласнымъ губернаторъ указалъ на нѣкоторые недостатки, которые онъ успѣлъ замѣтить въ продолженіи своего недолгаго пребыванія въ городѣ,— между прочимъ на то, что по уличнымъ тротуарамъ нельзя ходить; что поля въ одной изъ пожарныхъ провинцалей; что въ пожарныхъ помѣщеніяхъ живутъ жены и семейства полицейскихъ и пожарныхъ служителей («сбавя команда»); что пожарный обозъ очень несправенъ; и что въ городѣ вовсе нѣтъ наружной полиціи. Последнее обстоятельство онъ приписывалъ тому, что полицейскіе, вмѣсто прямой своей обязанности, занимаются разноскою конвертовъ и тому подобными дѣлами; что полиція страдаетъ многочисленіемъ, которое пошитоому сильно развито въ Сибирь, потому что и онъ, губернаторъ, уже заданенъ бумагами, что причиной такого ненормальнаго положенія (отсутствія наружной полиціи) можно считать недостатокъ канцелярскихъ средствъ полиціи. Приѣзду начальнику, пошитоому, еще неизвѣстно, что полиція производитъ здѣсь даже двойную канцелярскую работу, потому что, кромѣ канцеляріи полицейскаго управленія, существуетъ еще, не основанная ни на какомъ законѣ, особая канцелярія полиціимейстера, которая, разумеется, также требуетъ расходовъ. При этомъ изъ рѣчи его гласные узнали, что здѣсь существуетъ такъ называемый казенный налогъ въ пользу полиціи, доставляющій ей до 7,200 р. въ годъ. Губернаторъ находилъ этотъ налогъ неправильнымъ и роняющимъ достоинство полиціи и желалъ, чтобы дума приняла

собрание его на себя, и отъ себя уже передавала полиціи. Вообще рѣчь его, въ концѣ-концовъ, свелася на необходимость увеличить средства полиціи. «Мы уже десять лѣтъ слышали эту пѣсню!» — «Полиціи сколько ни давай, все будетъ мало!» думали между тѣмъ гласные. — «Полиціи у насъ очень разрослася; нужно хлопотать объ уменьшеніи ея, а не о прибавкѣ». — «Губернаторъ, какъ видно, идеалистъ: вѣрить въ возможность хорошей полиціи, но мы на своемъ вѣку много видали. Боясь за одно, обязаны отъ его канцелярскіе и полицейскіе крохотки». — «Таковы были отзывы гласныхъ при выходѣ съ пріема и въ разговорахъ потомъ».

Г. Наводаръ (корресп. «Восточ. Обозр.»). Въ административномъ мірѣ существуетъ обычай—сбора пожертвованій въ пользу разныхъ комитетовъ, обществъ, а иногда и на устройство публичныхъ садовъ. Пожертвованія эти часто бываютъ почти вымучаемыя. Форма вымогательства бываетъ различна, но при всѣхъ измѣненіяхъ этой формы вымогающіи играютъ роль весьма некрпавую. Начальникъ, неприступный въ другое время, при желаніи привалить извѣстнаго субъекта къ подишка на крупную сумму, видоизмѣняется. Какой-нибудь эксплуататоръ, чуть не воръ—кушнина, варагъ, къ своему изумлению, встрѣчаетъ самый любезный пріемъ, приглашается въ кабинетъ, усаживается на мягкій диванъ; ему предлагаютъ чай, сигары... въ результатѣ—подишка и получение сотняги или нѣсколькихъ сотенъ рублей. Я не говорю здѣсь объ униженіи достоинства начальника, это его личное дѣло; но въ комедіи этой есть очень грустная черта.

Процессъ и результаты такихъ добровольныхъ жертвованій являются во всемъ своемъ безобразіи при практикованіи этого достоянннго пріема въ средъ массы, стоящей на низкой степени развитія. Я расказу, что выходитъ изъ этихъ пожертвованій въ степи, между киргизами. Весьма интересно!

Уѣздные начальники, состоя предѣтелями тюремныхъ комитетовъ, имѣютъ у себя листы для сбора пожертвованій. Листы эти они обыкновенно берутъ къ себѣ на домъ, а иногда и возить по волостямъ, собирая якобы добровольные лепты. Вообразите уѣзднаго начальника, ухаживающаго за обрившимъ и оплывшимъ жиромъ полудикаремъ, умѣющимъ съ трудомъ выговорить нѣсколько словъ по-русски, всѣ заботы котораго устремлены на то, чтобы воспользовавшись случаемъ провести въ управленіе своего родственника и столкнуть съ мѣста своего врага, пли-же просто зарасположить въ свою пользу уѣзднаго на случай скандала по поводу принятія краденыхъ лошадей, а не то—и поуже. Не можетъ-же уѣздный начальникъ, несмотря на свою власть, приказывать жертвовать, и вотъ онъ своего подчиненнаго гостя угощаетъ чаемъ, говоритъ въ то время, когда его слушаетъ сонить, безсмысленно хлопая глазами, и прсысаетъ только тогда, когда услышитъ рѣчь о деньгахъ; особенно лѣзетъ въ карманъ и торопится узнать, сколько нужно? Ему итъ дѣла, куда эти деньги пойдутъ, онъ знаетъ, что даль уѣздному и считаетъ себя въ правѣ расчитывать на его покровительство. На случай надобности. По отъздѣ уѣзднаго, или по выходѣ изъ его квартиры, если это было въ городѣ, онъ съ должнымъ англолюбомъ расказаетъ въ кругу многочисленныхъ слушателей, обитателей степи, какъ его угощалъ уѣздный чаемъ, пожалъ руку и взялъ столько-то руб., не преминувъ при этомъ удешевить сумму, дѣйствительно имъ данную. Понятно, что изъ этого выходитъ. Богатый киргизъ, одурѣвшій отъ яду и незнающій, куда дѣваться съ деньгами, получаемыми имъ десятками тысячъ изъ Оренбурга за быковъ, взятокъ у бѣдноты за бездѣнокъ, приобретаетъ въ глазахъ бѣднаго кочевника

многочисную силу... Этого полудитъ можетъ безнаказанно убитъ челоѣкъ: на него никто не дозвѣстъ.

Насколько киргизы умѣютъ пользоваться подобными поступками начальства, можно судить по слѣдующему пріему. Недавно, по распоряженію семипалатинскихъ губернскихъ властей, было командировано нѣсколько челоѣвъ казаковъ, подъ начальствомъ какого-то чиновника, для поимки киргиза, осужденнаго за воровство лошадей; казаки исполнили свою миссію исправно: явились въ аулъ внезапно, причемъ страшно перепугали населеніе, и схватили искомаго киргиза. Нужно знать, что арестованный киргизъ обитался вмѣстѣ съ другими своими соратниками въ томъ, что нынѣ они угнали изъ табуна богатаго киргиза Наводарскаго уѣзда 140 лошадей, причемъ будто-бы связали пастуховъ, бывшихъ при табутѣ, т. е. употребили скорѣе насилія, чѣмъ простое воровство, подлежащее суду биевъ, препратили въ грабежъ, за что, по рѣшенію семипалатинскаго областного правленія, осужденъ въ каторгу. Исторія эта весьма темная и, вѣроятно, въ будущемъ о ней придется порасказывать много интересныхъ вещей; но дѣло пока въ томъ: вслушайтесь, какъ воспользовался самымъ фактомъ ареста истецъ. Вскорѣ послѣ ареста, онъ мнѣ расказывалъ объ удачѣ, постигшихъ его противниковъ. Несмотря на плохое обладаніе русскимъ языкомъ, онъ такъ живо нарисовалъ картину обихватныхъ шашекъ и направленныхъ на арестуемаго революперовъ и вообще всю процедуру ареста до связыванія рукъ назадъ включительно, что и мнѣ стало жутко. Вообразите-же, какое дѣйствіе произвѣдетъ такой расказъ, переданный на родномъ киргизскомъ языкѣ, приправленный мизантрою и жестами, на простаго киргиза? Если же при расказѣ не будетъ упущено изъ виду—внушить слушателямъ, что всѣ эти ужасы напущены на опальный аулъ только по его, расказчика, просьбѣ и для охраненія его табуновъ, то дѣлается понятнымъ, чего онъ можетъ достигнуть. — «Я тебя съѣмъ какъ зайца,—снвою въ острогѣ, сошлю въ каторку, какъ сосала такихъ-то»,—угрожалъ скорѣе посямъ мой расказчикъ какому-то бѣдиаку, осмѣлившемуся въ чепъ-то противорѣчить ему.

Киргизъ этотъ наводитъ панической страхъ на волость и дѣлаетъ, что хочетъ; на дняхъ провалъ своего брата въ управленіе. Какъ видите, туземный наукъ ловко сумѣлъ эксплуатировать въ свою пользу строгое распоряженіе областного начальства и постарался крѣпче затянуть петлю, заброшенную имъ на шею бѣднаго населенія.

—Господа уѣздные начальники, какъ вы думаете, во сколько обходится населенію каждая сотня, подписанная моимъ расказчикомъ въ ваши подишныя листы?...

Теперь посмотримъ другую сторону разсматриваемаго нами вопроса.—Могу, нацимѣръ, заявить теперешнему наводарскому уѣздному начальнику г. Афанасьеву, что мнѣ не одинъ разъ пришлось высудивать стѣнованія киргизовъ на то, что онъ, г. Афанасьевъ, беретъ взятки по 10 руб.—Я увѣренъ, что ни одинъ уѣздный начальникъ не возьметъ взятку въ 10 руб., потому что это—зорная сумма, недопускаемая въ практикѣ, и предполагаю, что г. Афанасьевъ беретъ по 10 руб. въ пользу тюремнаго комитета; но для киргизовъ безразлично, куда идутъ деньги, они говорятъ, что уѣздный беретъ по 10 р. и возмущаются. Что же можетъ дѣлаться въ волостяхъ, въ глубокой степи, откуда и въ уѣздномъ городѣ рѣдко что можно услышать? Традиціонные обычая массы.—главный регуляторъ гражданской жизни кочевника, часто служатъ только средствомъ для болѣе ловкихъ людей въ обманію массы и держанію ея въ экономической зависимости.—Безъ сомнѣнія, въ такомъ печальномъ положеніи дѣла виноваты въ

они сборы по поднимавшим листам: жизнь ковенная, основанная на немногих обмалках, при столкновении съ порядками цивилизованнаго государства, должна видоизмѣниться, и, по общему закону, на первых порахъ,—въ худую сторону; но обязанность цивилизующаго государства не увеличивать число вредныхъ вѣяній на жизнь и безъ того обездоленнаго стеника, а уменьшать; въ числѣ такихъ уменьшений должно, по моему мнѣнію, стоять и запрещеніе убожамъ начальникамъ дѣлать какіе либо сборы въ етъвъ присутствіи; а также нравственнымъ ихъ обязанностью должно быть условіе—неподержки, прямымъ или косвеннымъ путемъ, богатымъ карманами, сдѣлавшимъ истиннымъ бичемъ Божиимъ своей меншей братіи. Я понимаю эту поддержку въ виду политическихъ соображеній, когда-то, при завоеваніи степи; теперь же эти соображенія могутъ только маскировать соображенія—чисто карманныя.

Тюмень (корресп. «Восток. Обозр.»). Въ прошлой своей корреспонденціи я замаловал на неподожжаніи тюменской общественной жизни, но умолчал объ отраженіи ея, теперь полною зтогъ провѣть. Отраженіе ея, разумеется, заключается въ дѣятельности, или лучше сказать, въ бездѣятельности здѣшней городской думы. Нашъ муниципалитетъ (представьте себѣ!) въ продолженіи всего дѣятнаго сезона едва ли имѣлъ даже до двухъ состоявшихся засѣданій, между тѣмъ на очередь, требующей скорѣйшаго разрѣшенія, поставлено много весьма важныхъ вопросовъ, которые, казались-бы, должны были интересовать какого угодно аналитичнаго гласнаго, дае гласнаго нашей думы. Чѣмъ объяснить такую небрежность въ отвлеченіи своихъ обязанностей? Отвѣтомъ на это, я полагаю, можетъ служить, во-первыхъ, непопулярность тѣхъ, которые состоятъ во главѣ обществнаго управленія городомъ. Во-вторыхъ, немудрые нашихъ прѣдѣлѣствующихіхъ въ думѣ ставить вопроса, руководить преніями, изложить резюме и т. д., сдѣлать чѣмъ является лишняя потеря времени, безплодность разсужденій, что дѣйствуетъ снотворно на гг. гласныхъ, почему они и предпочитаютъ спать лучше у себя въ дѣмѣ, чѣмъ въ городской думѣ.

Въ 3-хъ, недостатокъ людей независимыхъ и въ то же время умѣющихъ быть гласными безблагославыми—вотъ эти-то причины въ связи съ тѣми, о которыхъ я не упоминалъ, но которыя замѣчены уже давно въ нашей прессѣ, и приводятъ къ безразличности наши общественныя учрежденія. Къ послѣднему считаю нужнымъ присоединить еще одно замѣчаніе: по всѣмъ признакамъ и помѣняемому мною настроенію я полагаю, что въ случаѣ даже появленія людей, которыхъ я характеризовалъ, какъ умѣющихъ быть гласными и людей образованныхъ—эти люди встрѣтятъ не поддержку, а напротивъ тайную и явную оппозицію со стороны многихъ нашихъ Сергѣевъ-завривалъ; также полагаю, что присоединятся къ нимъ и нѣкоторые изъ тѣхъ «образованныхъ», которые уже играютъ ту или иную роль въ общественной жизни. Впрочемъ, это бывало и бываеъ въ одной Тюмени многого того, чтобы сплотиваться нашей интеллигенціи, и безъ того немногочисленной, она раздѣляется и такимъ образомъ даже въ этомъ случаѣ не хочетъ подлинить свои личные интересы общественнымъ. Многое бы можно сказать на эту тему, но опаснее слишкомъ растянуть мою корреспонденцію, почему приведу здѣсь только цифры денежных бюджетовъ, которыя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Приходъ:		Расходъ:	
	Слѣдуетъ по словесу.	Дѣйствительно произведено.	Слѣдуетъ по словесу.	Дѣйствительно произведено.
1877 г.	70 т. р.	59 т. р.	88 т. р.	57 т. р.
1878 г.	66 т. р.	60 т. р.	94 т. р.	55 т. р.

1879 г.	78 т. р.	84 т. р.	117 т. р.	87 т. р.
1880 г.	81 т. р.	69 т. р.	120 т. р.	71 т. р.
1881 г.	70 т. р.	69 т. р.	101 т. р.	69 т. р.
1882 г.	72 т. р.		93 т. р.	

Изъ представленной таблицы, во-первыхъ, видно, что въ бюджетѣ у насъ постоянные и снѣтные и дѣйствительные дефициты; во-2-хъ, сразу бросаются въ глаза громадные по отношенію къ такому городу, какъ Тюмень, расходы. На послѣднее могутъ возразить, что, значитъ-де Тюмень много тратитъ на мостовыя, освѣщеніе, на пародное образованіе, что она находится въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ. Читатель, незнающій Тюмени и представляющій такое возраженіе, глубоко ошибется. Мостовыи въ Тюмени—совсѣмъ нѣтъ и даже котормыа былъ, то мы, чтобы съ ними не безбожничать, ихъ уничтожили; освѣщеніе у насъ ограничивается 130-у фонарями, на что дума ассигнуеъ рублей 700 въ годъ; народное образованіе у насъ не въ авантажѣ: 15 лѣтъ и даже болѣе назавъ у насъ было 3 приходскихъ училища мужскихъ и одно женское для дѣвочекъ, и теперь оно, въ отношеніи числа училищъ, представляеъ въ томъ-же самомъ видѣ, и можно было бы сказать, что оно абсолютно стоитъ на точкѣ замерзанія, если бы частное лицо не построило реальное училище, которое поглощаетъ изъ городской кассы 10 т. р.; о гигиеническихъ условіяхъ... виновать, мы въ этомъ отношеніи находимся въ такихъ условіяхъ, что можно говорить только объ антигигиеническихъ.

Впрочемъ, о томъ, въ какихъ гигиеническихъ условіяхъ живемъ мы среди нашихъ самотенныхъ, портящихъ воздухъ, и коженныхъ, портящихъ воу, заводовъ, мы расскажемъ еще цѣлую притчу. А теперь только хотимъ напомнить, что тюменскій Кондратъ все еще не цивилизовался настоящимъ образомъ, хотя въ немъ есть и Кондрашкины дѣти. «И желѣзную дорогу проведутъ къ намъ, говоритъ обыватель, а все-таки долго еще у насъ будетъ это самое шивитѣ!» Такъ или порои остается самъ себя. Можетъ быть, сознаніе—начало исправленія.

КАКЪ МЫ ОТЫСКИВАЛИ НОВЕВЪ КОВЧЕГЪ.

У алтайскихъ племенъ сохранилось о потоцѣ слѣдующее преданіе. До потопа царемъ всей земли былъ ханъ Тенгисъ (море). Въ царствованіе его былъ славецъ по всей землѣ челоувѣкъ, по имени Нама, которому Ульгенъ (доброе божество) велѣлъ построить корабль изъ дерева ади ра салдан ага ш (испытанное судальное дерево). Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ Соозун-уулу, Сар-уулу и Балтисѣ, строить корабль на горѣ. Нама былъ слабъ зрѣніемъ; поэтому при строеніи корабля распоряжался старшій сынъ его. Корабль, по повелѣнію Ульгена, изнутри и снаружи обклеили берестой со смолкою; къ угламъ и стѣнамъ его Нама велѣлъ привязать 8 веревокъ, длиною по 80 саж. съ чугунными кружками на концахъ. Соозунъ спрашивалъ Наму: «дѣя чего эти веревки?» Нама отвѣчалъ: «мы узнеемъ по этому, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 саж.». Когда корабль былъ построенъ, Нама собралъ всѣхъ людей, кого онъ любилъ. Ибо такъ Ульгенъ сказалъ ему: «Кого ты любишь, того возьми съ собою, и везеко живое и дашаево, и птицъ летающихъ». Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями своими пошелъ въ корабль, тогда приступило къ нему множество животныхъ. Нама приказалъ принимать приходящихъ звѣрей и птицъ въ корабль,

Союзъ-уул спросилъ: «вотъ здѣсь приползла змѣя, позво-
лишь ли принять ее?» Нама сказалъ: «всѣхъ принимаю, кто
бы ни былъ, кто только успеетъ притти, кто только пойма-
ется за корабль». Потомъ Нама спросилъ находящихся въ
кораблѣ: «видите ли что-нибудь?» Ему отвѣчали: туманъ и
тьма по всей землѣ. Тогда вода прорвалась изъ подзем-
ныхъ жилъ, и начала высккивать изъ ручьевъ, рѣкъ и мо-
рей, и устремилась на землю. Съ неба поднялся также вода.
Когда корабль поднялся на 80 саж., а вода все прибывала,
тогда черевки оторвались отъ привязаннаго груза, и корабль
началъ плавать. Нама сказалъ: «вотъ уже седьмая сутки.»
Когда миновало 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Союзу
открыть туунукъ (труба или окно сверху свода) и посмо-
трѣть. Союзъ, исполнивъ приказаніе, сказалъ: «все затоплено
водой, только видны вершины горъ». Черезъ вѣскольце вре-
мени Нама еще приказалъ Союзу открыть туунукъ. Союзъ,
посмотрѣвши во всѣ стороны, сказалъ: «ничего не видно,
только небо и вода». Наконецъ, корабль остановился на двухъ
горахъ, близко стоящихъ одна къ другой: Чомгоодой и
Тулууты. Тогда Нама самъ открылъ отвергіе и выпустилъ
ворона. Воронъ не возвратился. На другой день Нама вы-
пустилъ ворону, и она назадъ не прилетѣла. Въ третій день
выпустилъ онъ соороку, но безъ пользы, и въ четвертый—го-
лубя. Голубь прилетѣлъ и принесъ березовую вѣтку. Нама
спросилъ голубя о прежде выпущенныхъ птицахъ. Голубь
отвѣчалъ: «воронъ шашелъ марала (лось), увязавъ въ ка-
менномъ ущельѣ и клюветъ глаза его. Ворона шашла собаку
и клюветъ ей задъ. Соорока шашла коня и клюветъ хребетъ
ея». Тогда Нама проклялъ ихъ, сказавъ: «что теперь они
дѣлаютъ, то пусть дѣлаютъ до конца вѣка. Воронъ пусть
клюветъ глаза у навшихъ животныхъ, ворона — задъ, а со-
орока хребетъ пусть клюветъ. Ты же, сказавъ онъ голубю, мой
вѣрный слуга, благословлю тебя до скончанія вѣка жить
вмѣстѣ съ моими потомками».

Алтайцы приносятъ Намѣ, подъ именемъ Янкъ-хава, въ
жертву бѣлую овцу, на высокой горѣ, преимущественно весно-
ю; также при всякомъ шаманствѣ молятся ему, чтобы про-
водилъ къ Ульгеню. Въ 40-й день, по смерти кого-либо, Янкъ-
ханъ призывается для очищенія юрты, причѣмъ къ постелѣ
умершаго привязывается вѣтухъ, изображающій смерть и изго-
няется камомъ или шаманомъ. Оттого вѣтухи у инородцевъ
въ пищу не употребляются. Еще призывается Янкъ-ханъ въ
томъ случаѣ, когда не ведется скотъ. Инородцы вѣрують,
что умершіе родственники уводятъ скотъ съ собою въ жи-
лище мертвыхъ, откуда Янкъ-ханъ, при жертвоприношеніи
ему, выгоняетъ его потопомъ. Камъ представляеть, что онъ
приходитъ будто бы въ жилище душъ умершихъ родствен-
никовъ (узуттер іеріне) изъ того семейства, у коего
камуется, разговариваетъ съ ними, поддучетъ ихъ виномъ,
напавшая до-пьяна, разговоры ихъ произносить ихъ голосами
и всѣ дѣйствія выражаетъ подобно имъ. Въ разговорахъ и
пѣсняхъ камъ представляеть: какъ умершіе, навшихъ, по-
ють пѣсни и проч., какъ притомъ внезапно входитъ потовъ
въ жилище умершихъ; представляется смѣненіе, ужасъ и без-
покойство каждаго лица изъ умершихъ и прекращеніе по-
тока силаніемъ земли и золь. Камъ, пользуясь смѣненіемъ,
уговняетъ у нихъ скотъ; умершіе будто бы кричатъ вслѣдъ
ему и посылають погоню. Въ началѣ представленія всѣхъ
этихъ дѣйствій шаманъ мараетъ свое лицо сажей, чтобы

умершіе не узнали его. Когда же они догадываются, что ша-
манъ пришелъ отъ нихъ живыхъ родственниковъ, то онъ у-
бѣждаетъ ихъ, что самѣмъ ихъ не знаетъ и т. п.

Вопросъ—гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ—сильно зани-
маетъ пашихъ инородцевъ. Алтайцы—телегиты остановленіе
ковчегъ приписываютъ своей мѣстности, указывая даже на
ущельіишій будто-бы отломокъ отъ ковчегъ на горѣ близъ
устья р. Чемаза. Напротивъ, аладагичи—татары Кузнецкаго
округа утверждаютъ, что ковчегъ обоихъ на вершинѣ горы
Улу-дага (большая гора), на дѣловомъ берегу р. Мраси, гдѣ
сохранились-де и до сихъ поръ огромныя плахи съ громад-
ными шиплами отъ ковчегъ. Гора Улу-дагъ находится въ
мноихъ миссіонерскихъ владѣніяхъ. Если по правдѣ ска-
зать, то у миссіонеровъ никакихъ владѣній не имѣется, во влѣ-
дѣній ихъ у мѣстныхъ мыслителей почему-то представляются
именно владѣніями. Поэтому, и мы удерживаемъ этотъ тер-
минъ, такъ какъ слово-то хорошее, хотя въ дѣловыхъ слу-
чаѣхъ и не имѣетъ смысла. Разговаривая съ вояковренни-
ми чадами своихъ владѣній о разныхъ предметахъ, мы кон-
чили и останковъ ковчегъ, выразивъ притомъ нѣкоторое
сомнѣніе. Инородцы старались разогнать всякую тѣнь ва-
шего сомнѣнія, и на вопросъ нашъ: можетъ ли кто-нибудь
изъ нихъ показать намъ останки отъ ковчегъ?—отвѣчалъ съ
такою положительною рѣшимостью, какъ будто дѣло шло объ
указаніи какой-нибудь пихты. Разсужденія эти происходили
въ юртахъ крестника моего—Ончупа, при р. Бугунчи, не да-
леко отъ подошвы горы Улу-дага. Ончупъ—человѣкъ основа-
тельный и охотникъ замѣчательный, прошедшій и испытывав-
шій свою тайгу вдоль и поперекъ, добывавшій за-разъ по
десяти мараловъ въ загородныхъ съ насталенными въ раз-
ныхъ мѣстахъ самострѣлами—шергями, а бѣлку, не шваче
стрѣляющій, какъ въ мордочку, чтобы не портиль шкуру. Въ
юртахъ его считается 41 душа подвѣдомыхъ ему родствен-
никовъ—дѣтей, внуковъ, племянниковъ и т. д., и вса эта
патріархальная семья въ урожайный годъ добываетъ не одну
сотню пудовъ орѣховъ съ кедровъ улудскихъ. Два сына
Ончупа выстроили себѣ по дому съ двумя комнатами, раз-
дѣленными сѣнями, но самъ Ончупъ не измѣнилъ дѣдовскихъ
преданій—остался въ юртѣ, которую предпочитаетъ
всякому дому. Мы, съ своей стороны, находимъ такую отнѣку
юрты понятною и справедливою, ибо домъ требуетъ чистоты
и опрятности—качествъ, недостающихъ у черевыхъ инород-
цевъ. Въ черни, или тайгѣ, рядомъ съ юртами встрѣчаются
и домики. Но въ этихъ домахъ жить вредно не только че-
ловѣку, но и всякому животному. Этотъ-то самій, положи-
тельный Ончупъ и выказалъ быть обличителемъ нашего вѣ-
рбій, проводникомъ и посредникомъ съ ослзанію останковъ
Ноева ковчегъ.

Утромъ 11 іюня, напавшись чаю и выпивши съ собою на
дорогу сухарей, мы отправились съ Ончупомъ въ предка-
щій намъ путь. Но предъ отравкою еще произошелъ слѣдую-
щій эпизодъ: приготовленный подъ меня конь, по увѣренію хо-
зяина, смиренный, никакъ не допускалъ меня къ себѣ. Лишь
только и подоюду, конь на дыбы. Предполагая, что онъ ли-
чится постороннихъ людей, я предложилъ толмачу своему по-
пробовать сѣсть на него. Толмачъ сѣлъ спокойно, похвалъ
вменяго и слѣзъ. Вѣроятно, думаю я, конь боится моего
кожанаго халата. Синхуе халатъ, я сталь подходить къ
коню, но онъ опять на дыбы. Что за причина? Осталась одна

мой, необычная у широдневье, съдая борода предпологаемого причиною нерасположенности ко мнѣ коня; но какъ изъ-за лошадиной прихоти мнѣ не приводилось обрѣзать ее, то я попробовалъ подвизать ее платкомъ, и тогда конь спокойно дозволялъ мнѣ съѣсть на него.

Мы сначала отпрянулись вверхъ по р. Бугучи и пересѣкли двѣ падающія съ Улу-дага рѣчки Тарлаи-тушкин и Шамши. На пути намъ встрѣилась богатая растительность, свойственная черни *).

*) Кедръ (алт. мѡш, журуу, алад. кузукъ ага жы), сосна въ небольшомъ количествѣ (карагай), пихта (алт. чѣбѣ; алад. шѣбе) береза (алт. каймы; алад. казын), осина (а псаи), черемуха (алт. и мурит, жодро, алаш, мыбырт), рябина (алт. караган; алад. дерево ундреш, шода се йбе), ольха (алт. ееве; алад. шил-ага-ш, то-о-аши), тополь (теген), ель (тѣген), оскоръ (алт. жудер; алад. жегѣрен), боярка (алт. толово; алад. толаина, то), вазица (алт. ашам; алад. шанап), жимолость (алт. зуут ага жы; алад. ат бурду, тогузган а жы), ваина (алт. ага ш жѣлек, алад. ага ш жѣстегі), смородина черная (караган), красная (алт. кы-шам-жа; алад. кы-шам-жлат), князика (казырган), бузина (алт. емеген собѣг; алад. зуут ага жы, торе-лаш ага жы), волче лыко (*Daphne Mezereum*; алт. бѡей, алад. озый), горохонецъ (акапц, алт. шашны, алад. кастык), таволга, шиповникъ (тегенек), крушина (алт. та ш арды; алад. зуут мыбырты), витревница (алт. кой чечек; алад. псе енес), вересъ (алт. арчи; алад. ар-жан) мяника (пес), фиалка желтая (*Viola Altaica*) и синия (collins); стародубка (*Adonis vernalis*), лютичъ-желтый (и уи кургуш, моры, оранжевый (и уи енес)), аконитъ разныхъ видовъ широко-листныхъ (кебес, нуру еабѣ), —шлющія (гаг жегѣбѣжѣ), —шлющя (о еабѣ), борщевикъ (*Delphinium intermedium*), Марьяно коренне (*Ranunc. anomala*, алт. чайна баш; алад. шебене баж, шегене, каймы), собачки (*Argemone*, ит оду, сарилча-от; алад. кой тутган), зибровый (шизан оду), горошекъ (касты-оду) —гушый (ат кабары, маранча оду, тушту оду) —визль (параш, нуру тартмык, кие кургага оду) —бѣлоговиты (*Spiraea ulmaria*, е.с. шайы, кундуе оду), кипрей (киг оду), шпривонникъ (е.с. комургай, каба оду); реневникъ (Ларра, алт. уак, тегенек; алад. абмалта, аб-алтай, катыг от), серпуха (алт. серттике, алад. позу оду), мать-и-чачка (сай оду), майникъ (*Majanthemum bifolium*), медвѣжье ухо (*Verbascum thapsus*), тысячелистникъ (сай оду), гвоздика, василевникъ (а пшак тѣезі, ашак сыгазы), гуляница чихотная (*Parnassia vulgaris*) сарана (саргай, кайта), Бороваго коня (*Veronica longifolia*, е.с. оду), чертополохъ (*Cirsium heterophyllum*), козоловчяи разн. вид. (*Campanula*), козобородникъ (*Tragopogon pratense*), шерда (*Crepis*, аш енесі), плакунъ (*Lythrum salicaria*), поронцъ (*Paris quadrifolia*), бадыртыкъ (*Valeriana*), копытны (*Asarum Europaeum*), богородская трава (*Thymus*) подорожникъ (*Plantago major*, табана, жоа оду), лебеда (керсеиш, ок кирен), репей (*Rheum sibiricum*, санбар, слабан), молочай (суг оду), крапива (алт. чалканчак, алад. шалган), —глухая (*Lamium album*), хмель (алт. кумдак; алад. кыбиник, кыман), кукушкины слезы (кок мащанга, улагты, теги шат лачан), прысь, слазуш (*All. pilularis*, нагмы, чеснокъ (жер еуску), черешня (*All. persicum*, калба, ачыг от), черница (алт. сырчак, алад. калчмы, карчы), осока (курен), ширей (кышкык, шулу оду), шпорникъ (*Filix mas*, карчы, кабарчы, —femina, надыг оду), купета ачяны Вурлеуган, кытай оду), сорочья ягода (*Polygonatum*, мырчак еабѣ), баранникъ (*Artemisia*, чистотель (кайа оду), татарское мыло (*Lychnis chalcidensis*, е.с. ми), борщовникъ (паатырган), дягиль (гараа), —собачій (тогуз уйе му о брак), луизь-ботушъ (мѣбѣрген), сыбыга (*Seselia*, мырг еабѣ, и шак кумдак), камышъ (пога), шучы трава (е.с. гаган оду), хощъ (мыбырт, кувш кузуругу), чернышникъ (колей оду), бархатникъ-медунникъ (кара же-аим, кик оду, тукту улес), жабрей (тегенек, кадыг аза оду), дула (мыргы), природная ягода (журѣбѣш), клеверъ (тебе оду), ашакъ (сарыг оду, ашчѣ), бузина черная (тогулак оду;

Ъхали мы тропами охотничьими, а то и вовсе безъ тропы, продираясь между сплошнымъ кедровникомъ, по каменной розе, слегка прикрытой землемъ. Чѣмъ выше мы взбирались, тѣмъ болѣе занимала меня мысль: «какъ въ крест балаи (крестникъ мой) будетъ мнѣ показывать то, чего нѣтъ? Наконецъ, мы стали приближаться къ обнаженной вершинѣ Улу-дага, заваленной большими глыбами синеватого камня, обросшаго мхомъ и бадавомъ (*Saxifraga*, калчап, кайа шай). Между камней, на тонкомъ слое земли попадались и другая растительность, но до того топкая, что, напр., цѣпочекъ фидики (*V. altaica*) достигалъ величины только серебрянаго пятячка. Попался также намъ экземпляръ красиваго растенія, прежде нами нигдѣ невиданнаго, котораго мы не могли опредѣлить, на подобіе осоновыхъ, замлетенныхъ ягодъ, затнутыхъ крючкомъ. Татары называютъ его седезен и корнями красить ткани въ красный и малиновый цвѣта. Ыхати дагѣ было нельзя, мы сбѣглились, разбѣдали коней, привязали ихъ къ куруву, чтобы не беспокоили ихъ комары, а сами пошлы вверхъ, по камнямъ. Прокарабкавшись по камнямъ около ста саж., мы подошли къ самой возвышенной части вершини Улу-дага, состоящей изъ отвѣснаго, неприступнаго утеса, на который Ончутъ торжественно указалъ своимъ перстомъ, и возвести: «тамъ!»

Но если мы и не видѣли остатковъ отвѣса козвца, за то съ вершини Улу-дага, доступной ногѣ человека, насладился необыкновеннымъ зрѣлищемъ окружающей природы. Ончутъ, воодушевившись, какъ самородный географъ, водилъ своимъ перстомъ по разнообразнымъ горамъ и многочисленнымъ рѣчкамъ и поясняя: вошь, гора Чезенебес, на ней озеро аба-голъ, изъ котораго вытекаетъ р. Мураа, дагѣ другія горы; потомъ оныя перечислялъ въ рѣчки. Кроме подустоты рѣчекъ, чистыхъ, прозрачныхъ, текущихъ по мелкому гравію, много еще впадаетъ ручьевъ, подъ общимъ названіемъ айы р-чак, колунчак, пулукъ. Вся эта разнообразно-холмистая аладагская мѣстность представляетъ живописную картину, красую которой служатъ находящаяся въ мѡшхъ же обшпрѣвшихъ владѣніяхъ г. Мус-гарт (ледная), про которую можно сказать съ поэтомъ:

Мусгарт, какъ грань алмаза,
Сѣтями вѣчными сіяет!

Прот. В. Вербицкій.

АВТОБІОГРАФІЯ С. С. ШАШКОВА.

III.

Жизнь вообще была и безсодержательная и мрачная, и только весна да лѣто приносили съ собой много радостей. Когда таялъ снѣгъ и нашъ громадный огород превращался въ настоящее озеро, я строилъ плоты и плавалъ на нихъ въ старомъ корытѣ, дѣлалъ вѣтренныя меленки, со страстью занимался птицеводствомъ, цѣлые

ароду; повелія (айна улес), незабудка (невчѣту, йлан карага), душица (чалчач, чапшы елов), девятисильнъ (Танасулет, толчу бажы елов, мартка баштыг от), аржанецъ (кырба елов), курсауль (*Callith palustris*, пага карага), шель конскій, левокъ бл., и шюет., атрагна (*Atragene alpa*), орляк (*Alquilegia*), погрѣмушки (*Silene*, шышкык), жастага, копра шаштыг от.

дни проводить в саду, на дворе, на улицах, лазить по крышам, или муштровал брата и сестру, обучая их солдатской шпигетикѣ. Я рос, можно сказать, съ учеными мальчишками, хотя и мало стѣснялся, попадая по временамъ въ аристократическія палаты знакомаго моего отца, золотопромышленника К. Я. Дарагана, бывший дум которого превращенъ въ губернаторскій. Бывалъ я также въ дѣвчьемъ институтѣ, гдѣ отецъ училъ лѣтнюю, и институтки, случалось, нѣжно цѣловали, можетъ быть, даже «обожаля» меня, 10—12-лѣтняго. Но, все-таки, я болѣе симпатизировалъ уличнымъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, чѣмъ баричамъ и барышнямъ. По праздникамъ и въ канікулы у насъ жила въ обыкновенно дальній родственникъ отца, семинаристъ Михайло, сынъ дьякона подгородной Нижнеудинской слободы. Худой, тощій отъ казенныхъ харчей, плохо учившійся, онъ зналъ и рассказывалъ множество сказокъ, превосходно дѣлалъ птички клѣтки и змѣйки и былъ специалистомъ по ужению рыбы, для котораго я съ братомъ и онъ часто ходили на озеро по якутскому тракту, съ чаемъ и закуской, и проводилъ тамъ цѣлые дни, ловя карасей подъ палачами лунами лѣтняго солнца. Лѣтомъ мы всемъ семействомъ, иногда съ тетками и С—выми, ѣздили на цѣлые дни въ поле, преимущественно на Косой-Бродъ на Упатовкѣ, а также «по грибы» или «по ягоды». Нравился мнѣ также и лѣтнія пѣшеходныя пилигримства къ мощамъ въ Вознесенскій монастырь; ясное золотое утро, переѣздъ черезъ красавицу Ангару, табуны, пасшіеся на лугу, пять верствъ медленнаго шествія, а послѣ обѣдни чаепитіе подъ огромными кедрами на берегу Ангары. Мощей я ужасно боялся лѣтъ до 15. Сначала это былъ страхъ совершенно безотчетный, потомъ онъ принялъ опредѣленную форму, небезынтересную для психолога. Скажу напередъ, что въ то время никакихъ религіозныхъ сомнѣній у меня еще не возникло, никакого религіознаго вольнодумства я не слыхивалъ. Но какъ только, бывало, я войду въ церковь, гдѣ мощи, во мнѣ какой-то внутренней, совершенно непокорный мой вождь голосъ начинаетъ шептать нѣчто святотатственное. Я трясусь отъ страха, молось, но голосъ твердитъ одно, особенно въ то время, когда я иду прикладываться. Прикладываюсь—и трещу, что сейчасъ разразится меня. Въ то же время я нерѣдко выдвѣивалъ сны, отъ которыхъ просыпался съ холоднымъ потомъ, по поводу раки съ мощами. Помню также, что видъ мертваго тѣла всегда производилъ на меня ужасное впечатлѣніе. Когда мнѣ было еще 1½ года и меня поднесли къ трупу маленькаго брата, чтобы проститься, я плюнулъ ему въ лицо. Во всю свою жизнь я только два раза рѣшился посмотреть въ лица покойниковъ, и не забуду ихъ никогда. Это не боязнь, а ужасъ слишкомъ впечатлительнаго чувства жизни. Суевѣрныя основы тутъ никакой. Что же касается скептицизма, то первую возбуждительнощю его во мнѣ была вынычавшая всѣхъ насъ старая нянька. Когда, бывало, я расшалось въ комнатахъ, она все твердитъ мнѣ: «вотъ уже тебя Богъ камешкомъ убьетъ!» Я и началъ думать, какой же это такой камень у Бога? Наконецъ рѣшилъ, что нянька такъ называетъ шаръ въ рукѣ Спасителя на иконѣ, вѣсившей у насъ въ залѣ. Какъ-то расшалившись, я вдругъ вспомнилъ нянькину угрозу и, убѣжавъ отъ образа въ другую комнату, выглянулъ потихоньку изъ-за дверей, чтобы посмотреть, не хочетъ ли бросить? Увидя, что нѣтъ, я уже нарочно пробѣжалъ мимо образа во второй и третій разъ. Объ этомъ я не сказалъ никому, да и вообще, вслѣд-

ствіе вспыльчивости отца во всѣхъ насъ развилась скрытность и, что можно было, мы дѣлали потихоньку, за что намъ иногда и доставалось. Между тѣмъ въ дѣвчій дупѣ возникало немало тревожныхъ вопросовъ, но скрытность не дозволяла обращаться за рѣшеніемъ ихъ къ старшимъ и приходилось до всего додуматься самому. Какъ-то, конечно, изъ разговоровъ другихъ, у меня составилось понятіе, что есть дѣти законныя и незаконныя, что незаконныя несчастны, что отецъ незаконно—не мужъ матери, а какой-нибудь посторонній мужчина, что незаконными называются тѣ, которые родятся внѣ брака или до истечения 9 мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія родителей. Затѣмъ меня поразила тотъ фактъ, что мать и отецъ праздновали годовщину своей свадьбы 4-го, а мое рожденіе 5-го ноября. Слѣдовательно, я—незаконный, такъ какъ родился напередъ свадьбы. Кто же мой отецъ? Я рѣшилъ, что архіерей, такъ какъ моя свертница, дочь дьяконницы N, считалась архіерейскою дочерью¹⁾. Эти открытія долго мучили меня, и я успокоился лишь тогда, когда узналъ, что хотя родители дѣйствительно вѣнчались 4-го, а я родился 5-го ноября, но родился черезъ 2 года послѣ вѣнчанія. Около того же времени, когда мнѣ было 10 лѣтъ, я влюбился въ молодую красивую вѣщанку Наталью Кирилловну, квартировавшую съ мужемъ у насъ во флигелѣ. Во флигелѣ была наша кухня, отдѣленная отъ квартиры П. только деревянною перегородкой, вѣдходившею до потолка. Я проводилъ у П. цѣлые дни или, взбравшись въ кухню на печку, черезъ перегородку съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Наталью Кирилловну по цѣлымъ часамъ. Всѣ эти знали и надо мной смѣялись.

Когда мнѣ минуло 7 лѣтъ, рѣшилъ меня учить. Мать показала мнѣ буквы, и черезъ какой-нибудь часъ я уже зналъ всѣ ихъ; на другой день я зналъ склады, на третій уже читалъ. Мною хвастали, какъ чудомъ и купили мнѣ большую ирущенную лошадь, которой два черезъ два я распоролъ ножомъ брюхо, желая узнать, что у нея внутри, потомъ разрубилъ ее на куски, воображивъ себя мясникомъ, торгующимъ говядиною. Затѣмъ пошли латыни, греческій языкъ, русская грамматика и т. д. Отецъ только давалъ мнѣ книги, а учиться предоставлялъ самому, даже почти вовсе не слѣдилъ за мною, и я почти не учился; русской грамматикой, напр., я никогда не зналъ и усвоилъ правила ея чисто навыкомъ. Воспитывая меня дома, отецъ ежедневно долженъ былъ представлять меня въ духовное училище на экзаменъ, но этого не дѣлалъ, а смотритель училища преспокойно выдавалъ билетъ, въ которомъ значилось, что я переведенъ въ слѣдующій классъ. Отцу не хотѣлось отдавать меня въ бурсу, а на обученіе меня въ гимназій у него не доставало средствъ. Самою меня бурса ужасала. Нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ пѣвчихъ и упомянутый Михайло рассказывали мнѣ ужасныя вещи о розгахъ, въ которыя палачъ буреы К. влеталъ тонкія проволоки, объ инспекторѣ M., который однажды далъ какому-то ученику 1000 розогъ и засѣкъ его до смерти и т. д. Несмотря на это я все-таки мало учился и старался меньше думать о бурѣ, отецъ зналъ это, но не вмѣшивался. За то я читалъ все, что ни попадалось. Прежде всего я прочелъ извѣстный княжескій романъ, «Жизнь кавалера Фобласа», взятый отцомъ у кого-то изъ братьевъ Вознесенскаго монастыря, «Путешествія Швагера», 2 т., «Тысячу одну Ночь», «Ро-

¹⁾ Всѣ эти подробности имѣютъ значеніе психологическое и мы не считаемъ себя вправе исправлять ихъ или извѣщать.

бизнесу Круазо», которого я прочитал семь раз и знал почти наизусть. Между тѣмъ, наступилъ послѣдній годъ моего заочнаго ученія въ бурсѣ, черезъ годъ нужно было поступать въ семинарію, а для этого необходимо было держать экзаменъ наравнѣ съ бурсаками. Отецъ отвелъ меня въ классъ, въ который я началъ путешествовать ежедневно, по два раза въ день. Старое зданіе утихло, въ которомъ прежде помѣщалась семинарія, съ громаднымъ дворомъ, съ темными и холодными корридорами, наводило тоску. Классы зимою никогда не топилась, и всѣ сидѣли въ шубахъ. Въ жилыхъ комнатахъ вонь и грязь превозходила всякое представленіе. Розги при смотрителѣ Громовѣ были уже въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ прежде, но все-таки часто пускались въ ходъ руками инспекторскаго фаворита) сторожа изъ исключенныхъ бурсаковъ, К. Это были палачъ-артистъ, съ одного удара пробѣсывающій тѣло до крови, для чего онъ влеталъ въ розги тоненькія, мягкія мѣдная проволоки, добывавшіяся имъ изъ старыхъ валянокъ. К., впрочемъ, сѣкъ только въ особенно важныхъ случаяхъ, когда бывала «публика». Въ перемѣну между утренними классами, по корридорамъ раздавался продолжительный звонъ большого училищнаго колокола, и ученики всѣхъ классовъ съ криками «публика, публика» собирались въ самую большую комнату низшаго отдѣленія. Приходило начальство, и ученика, провинившагося въ чемъ нибудь особенно серьезномъ, К. сѣкъ немилосердно. Учили въ училищѣ скверно, кромѣ дурацкой долбни да переводовъ съ латинскаго и греческаго, ничего не было. Человѣкъ 10 въ нашемъ классѣ вовсе не учились, и уроковъ учителя никогда не спрашивали у нихъ. Это были такъ называемые *камачалы*, все великозастыные, лѣтъ по 30 даже, жирные, здоровые, настоящіе кучера.

Въ 1854 г. я первымъ въ списокъ товарищей былъ переведенъ въ семинарію, учиться въ которой было гораздо труднѣе по одному уже тому, что большая часть учениковъ были рукописные и уроки приходилось переписывать, чего я, впрочемъ, никогда не дѣлалъ, а передъ классами приготовлялся по чулчмъ тетрадкамъ. Въ семинарію поступали тогда воспитанники изъ 4 училищъ, Иркутскаго, Красноярскаго, нерчинскаго и якутскаго, и всѣхъ насъ въ словесности было человѣкъ 60. Сѣченья въ семинаріи вовсе не было, но ректоръ Нифонтъ и нѣкоторые учителя нерѣдко били семинаристовъ, какъ солдатъ. Математику преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей, Иванъ Петровичъ Токаревъ, человѣкъ очень порядочный, но вспыльчивый до бѣшенства. Предметъ свой онъ хорошо зналъ, но преподавалъ положительно не умѣя, мы ничего не понимали и долбили алгебру съ геометрией наизусть. Непониманіе ученика выводило Токарева изъ себя, онъ обгалъ по классу, какъ обшнѣный, ругался площадными словами и, наконецъ, бросался бить ученика. Въ теченіе класса онъ переспрашивалъ и избивалъ человѣкъ 10, и только двое, я да Касьяновъ, не пробоваши его кулаковъ, потому что долбили хорошо, и онъ считалъ насъ знающими. Однажды Токаревъ, спрашивая Горбунова, здороваго малюга лѣтъ 20, закатилъ ему плуху, а Горбуновъ, бросивъ ему мѣломъ въ лицо и плонувъ, выбѣжалъ изъ класса. Въшествово Токарева дошло до того, что онъ не могъ болѣе говорить, только дрожалъ и тотчасъ же ушелъ, но съ этихъ поръ сдѣлался тише воды, ниже травы и уже никогда ни дрался, ни ругался. Инспекторомъ при моемъ поступленіи былъ Петръ, маленький человѣкъ и невнято-симбійшій педагогъ, который за малѣйшій проступокъ ученика изрекалъ свой стереотипный приговоръ: «безъ обѣда,

безъ ужина, въ столовой на колѣняхъ, съ лишеніемъ пищи». Строжайшимъ образомъ преслѣдовать онъ табакокуренье, винопитіе, короткіе сютуки и чтеніе свѣтскихъ книгъ, которыя онъ отбиралъ и потомъ у себя жегъ въ печкѣ. Я кому-то изъ товарищей далъ читать «Письма русскаго путешественника» Карамзина; Петръ отобралъ ихъ, потребовалъ утромъ меня и далъ мнѣ жестокой нагоняй: «что читаешь! что ты, путешественникомъ что-ли готовишься быть, безтолковкой? Читать бы «Христіанское Чтеніе», — тамъ языкъ-то языкомъ, а мысли-то мыслями». Книга полетѣла въ топившуюся уже печку, а на меня Петръ крикнулъ: «пошелъ вонъ, безтолковкой». Слово «безтолковкой» инспекторъ употреблялъ такъ часто, что семинаристы заглаза его называли не иначе, какъ тоже «безтолковкой». Петръ преподавалъ священное писаніе во всѣхъ классахъ и никогда не измѣнялъ однажды заведенному и какому-то непонятному, совершенно безтолковому приему спрашивать учениковъ не на выборъ, а по порядку списка: начнетъ съ перваго, потомъ говоритъ: «слѣдующій» и когда отвѣтитъ этотъ, опять переходитъ къ слѣдующему и т. д. до конца списка, а потомъ опять начинается съ перваго, такъ что каждый зналъ, когда онъ будетъ спрошенъ и готовился только къ этому дню. Лучшими учителями были преподаватели исторіи М. В. Загоскинъ и словесности Домскій. Они кое-что почитывали намъ въ классѣ и подъ секретомъ отъ начальства давали читать свѣтскія книги, историческія, русскія авторовъ и т. д., но давали не всѣмъ, а только одному—двумъ лучшимъ ученикамъ, которые и развивались, между тѣмъ какъ остальные только долбили, зубрили, да сочиняли хрип, а въ концѣ втораго года даже стихи. Я началъ тогда тоже писать стихи и воображалъ себя поэтомъ. Я читалъ очень много, фантазія работала живо, рѣфмы подбирались, а тутъ же попались статьи Дизраели въ «Современникѣ» «Литературный характеръ или исторія гения». Читая ихъ, я находилъ въ себѣ все указываемыя авторомъ признаки литературнаго характера и сильно оскорблялся, когда отецъ иногда подсмѣивался надъ моими поэтическими пареніями. Я уходилъ въ себя, особенно когда мнѣ пошелъ 17-й годъ. Была весна. Я читалъ какой-то литературный сборникъ, гдѣ было приведено мѣсто, кажется, изъ Шиллера, о томъ какъ въ юности пробуждается чувство любви. Меня охватило какое-то непонятное волненіе, я почувствовалъ себя тоже юношей и немедленно представилъ себѣ милонидіин образъ 15-лѣтней бронеточки, жившей съ своимъ семействомъ на одномъ дворѣ съ нами, только въ другомъ домѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса я былъ уже влюбленъ и думалъ только о ней. Мы часто встрѣчались. Я въ темныя ночи спалъ на сѣновалѣ и проводилъ тамъ за чтеніемъ всѣ свободные дни, и она нерѣдко приходила туда поболтать со мною. Недѣли двѣ я все собирался, но не рѣшился ни сказать, ни написать ей, что люблю, а между тѣмъ воображеніе распалаясь, я, что называется, сходилъ съ ума. Наконецъ, я рѣшился открыться ей во что бы то ни стало. Однажды ни моихъ, ни ея родныхъ, не было дома. Я читалъ. Пришла она въ бѣломъ капотикѣ, отъ лѣтней жары. Несмотря на свою прежнюю рѣшимость, заговорить о своей любви я не могъ и заикалась. Она начала утѣшать меня и положила мнѣ руки на плечи. Губы наши встрѣтились, сердца застучали, въ глазахъ потемнѣло. Этого дня мы часто видѣлись съ нею, но черезъ два мѣсяца она уѣхала изъ Иркутска куда-то къ роднымъ, и я больше никогда не видѣлъ ее. Я сильно тосковать по ней и писалъ отчаянные стихи.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОСТИ.

Безпорядки въ Мопс-ле Минъ остались не безъ послѣдствій. Французское правительство обратило на нихъ внимание въ связи съ безпорядками въ другихъ городахъ. Произведено было много арестовъ, а рассѣдованіе показало, что эти безпорядки вызваны вполнѣ организованною обществомъ революціонеровъ, имѣющимъ обширныя развитія и главные вожаки котораго проiakуютъ за границею, преимущественно въ Швейцаріи. Безпорядки въ Севт-Этьевѣ, взрывъ динамитныхъ бомбъ въ Лионѣ и Монпелье, закатательныя прокламаціи въ Амьенѣ, и наконецъ аресты доказали французскому обществу, что революціонная партія гораздо сильнѣе нежели о ней предполагало правительство Жюль Гриви. По словамъ «République Française», глава движенія, проивающій въ Женевѣ русскій эмигрантъ князь Кралоткинъ. Стачки рабочихъ вызываютъ закрытіе фабрикъ. Если одинъ мебельный фабрикантъ въ Парижѣ закроетъ свои заведенія, какъ предполагаютъ, то безъ заработка останется 45,000 рабочихъ. Подушая тѣмъ, что во многихъ уюдахъ Франціи раздается слово д и п а м и т ы! сторонники графа Шамбора открыто заявляютъ, что время выжиданій миновало и наступила пора дѣйствовать. По слухамъ, Шамборъ, какъ претендентъ на французскій престолъ, станетъ во главѣ движенія, а Шаретъ, потомокъ знаменитаго предводителя вандейцевъ, въ змюху первой французской революціи, поведетъ войско. Пока такимъ образомъ слагаются обстоятельства, среди имущественныхъ классовъ, принадлежащихъ къ умѣреннымъ отбѣнкамъ политическихъ партій, замѣтно движеніе въ пользу Гамбетты.

— Подробности покушенія на жизнь короля Милана таковы: при выходѣ короля съ супругою и свитою изъ церкви, на паперти изъ толпы выдвинулась вдова полковника Елена Марковичъ и на разстояніи двухъ шаговъ выстрѣлила въ короля Милана изъ револьвера. Въ первый разъ револьверъ далъ обѣлку, второй выстрѣлъ не попалъ только потому, что король успѣлъ отклонить голову. Адрътанъ короля Фроновичъ въ ту же минуту схватилъ Марковичъ. На другой день послѣ покушенія было торжественное молебствіе и пріемъ дипломатическаго корпуса и депутатівъ гражданъ. Слѣдствіе производится; хотя Елена Марковичъ и заявила слѣдодателю, что она дѣйствовала на личную побужденію, но обмѣкъ въ ея квартирѣ доказалъ вѣчто другое. Такъ, были найдены рукописи, въ которыхъ говорится, что она должна убить того, кто подписалъ смертній приговоръ ея мужу, «герцогу Ефрему». Въ другой запискѣ, писанной ея рукою, сказано: «Я хочу умереть на эшафотѣ и позабочусь о томъ, чтобы выстрѣлъ не миновалъ цѣль». Сдѣлано нѣсколько арестовъ и покушенію даютъ политическую окраску. По мнѣнію однихъ, это дѣло Карагеоргиевичъ, потомковъ короля Георгія Чернаго, освободителя Сербіи отъ турокъ, претендующихъ на сербскій престолъ; по мнѣнію другихъ, Елена Марковичъ дѣйствовала подъ вліяніемъ народной оппозиціонной партіи, возмущившейся тѣснымъ сближеніемъ короля съ Австріею.

— Выборы въ прусскій сеймъ даютъ преобладаніе консервативной и клерикальной партіямъ. Ожиданіе либераловъ обмануто.

— 12 октября возобновились сесіи англійскаго парламента, безъ всякой церемониальности. До сихъ поръ въ Англіи всякій вопросъ считается обсуждаемымъ только тогда, когда въ ораторы высказали о немъ свое мнѣніе. Минъ Гладстонъ предложилъ парламентскую реформу, именно, чтобы вопросъ считался рѣшеннымъ, если послѣдуетъ на то согласіе большинства. Меньшинство въ проектѣ Гладстона видитъ простое стремленіе меньше говорить и больше дѣлать. Большинство же несомнѣнно протестуетъ проекту. Гладстону приписываютъ стремленіе къ ограниченію и тѣсненію свободы парламентскихъ прерій. Однако же за проектомъ Гладстона признано

большинствомъ голосовъ первенство передъ всеми другими биллами.

По вопросамъ вѣншей политики Гладстонъ является торжествующимъ. Финансы Египта, вооруженныя силы хедива, египетское правосудіе, все предположено подчинить вліянію Англій, хотя лордъ Эллиотъ и заявилъ, что окончательное разрѣшеніе египетскаго вопроса предоставится международной конференціи. Парнелль заявилъ, что внести въ палату предложеіе, относящееся до египетскаго земельнаго и правдудительнаго законовъ. Въ Лондонѣ появился переводъ вѣкоторыхъ изъ бумагъ Араби-паши. Въ числѣ ихъ находится письмо султана, гдѣ Араби-паша приглашается къ соприптенію Франціи и Англій. Въ Лондонѣ получено извѣстіе, что профессоръ Пальмеръ и лейтенанты Дилль и Чаринтонъ, посланные англичанами въ Аравію для закупки верблюдовъ, убиты неизвѣстными людьми. Посланному развѣдочному отряду удалось узнать, что убійство совершено на краю пропасти, по приказанію губернатора Нахъ, притчемъ жертвами было предложено на выборъ: или спрыгнуть въ пропасть, или быть застрѣленными. Пальмеръ рѣшился спрыгнуть, а соговорники его были застрѣлены.

— Одинъ изъ защитниковъ Араби-паши нашелъ въ бумагахъ подудеимаго письма, копіюировавшаго Абдуль-Гамидъ и вѣкоторыхъ турецкихъ самовниковъ. На основаніи этого защитники замѣрили вызвать въ качествѣ свидѣтелей Дервиша и Ахмедъ-Осада инашей, султанскаго фангиль-альтава и нѣсколькихъ улемовъ. Главнымъ свидѣтелемъ въ пользу Араби-паши явится, какъ слышно, Лессенсъ. О жеперорокѣ Махди слышно, что оны подвигается къ главному городу Нубіи Хартуму. Абдель-Кадеръ-паша; начальникъ египетскихъ войскъ въ Хартумѣ, въ очальнѣ, что оны не получаютъ ни подуривленія, ни боевыхъ запасовъ. Населеніе Нубіи расположено въ пользу Махди. Въ Каирѣ предполагаютъ, что если Хартумъ падеть, то возстаніе охватитъ всю область Верхняго Нила.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

«Голосу» передаютъ, что возбужденный еще въ 1876 году генераль-губернаторомъ Восточной Сибіри, генераломъ Сидельниковымъ, вопросъ о трудности привлеченія къ службѣ въ Восточную Сибірь врачей, особенно въ болѣе отдаленныя мѣстности, и о необходимости, вслѣдствіи этого, увеличить содержаніе городскимъ и окружающимъ врачамъ, предоставивъ имъ большія служебныя преимущества, разрѣшенъ уже окончательно. Новый штатъ медицинскаго персонала въ Восточной Сибіри разработанъ и, говорятъ, внесенъ уже на утвержденіе. По мнѣнію дѣствующаго штату расходовалось на содержаніе штатныхъ врачей 44.915 руб. въ годъ; по вновь же проектированному предполагается расходовать 84.350 рублей.

— Спонскій банкъ рязанскимъ окружающимъ судомъ признанъ несостоятельнымъ.

— По слухамъ, вопросъ о торговлѣ съ Средней Азіей и о положеніи таможенныхъ пошлинъ на товары, идущій черезъ Кавказъ изъ-за границы, будетъ разрабатываться министерствомъ финансовъ съ участіемъ «свѣдущихъ людей».

— Разрѣшено устройство технологическаго института въ Харьковѣ.

— Въ числѣ реформъ мѣстного управленія предполагается, какъ передаетъ «Новое Время», пониженіе имущественнаго ценза для служащихъ по земскимъ учрежденіямъ.

— Морское министерство, по предварительному соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, предполагаетъ, по словамъ той же газеты, приобрести особое судно, специально для снабженія по мѣрѣ надобности боевыми припасами и корабельными материалами Владивостокскаго порта.

— «Петербургскому Лентку» сообщаютъ, что, на-дняхъ, въ правительственныхъ сферахъ окончательно рѣшенъ вопросъ о разрѣшеніи еврейско-колонистамъ Херсонской и Евзертлоплавской губерній арендовать свободныя земли, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы колонисты лично занимались хлѣбопашествомъ.

— По словам «Медицинского Вестника», общество естествоиспытателей устраивает ряд чтений по пользу женских врачебных курсов.

— Надвяхъ, военный министр разрешилъ принять на женские медицинскіе курсы до десяти вольнослушательницъ. Немедленно было подано 140 прошений, изъ которыхъ 70 свидѣтельствовао на совершенно равныхъ правахъ, многіе удовлетворяющихъ самымъ строгимъ требованіямъ, почему конференціи изъ профессоровъ затруднилась выборомъ и предоставила себѣ право просить г. военного министра о принятіи наравнѣ всѣхъ означенныхъ просительницъ.

— «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ оказываютъ крупная пожертвованія единовременная и ежегодная.

— Генералъ-адъютанту, графу М. Т. Лорисъ-Меликову, разрешено принять званіе почетнаго гражданина г. Тифлиса.

— 17-го октября, вышелъ 1-й № новыя «Судебной Газеты», издаваемой и редактируемой г. Ниссоловичемъ; издание это посвящено специально юридическимъ вопросамъ, выходить ежедневно и стоитъ 6 р. въ годъ.

— 15-го октября состоялось годичное засѣданіе московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Засѣданіе было весьма многолюдно, собралась, по словамъ «Русскаго Курьера», масса интеллигенціи, множество профессоровъ, почетные московскаго учебнаго округа, митрополитъ, генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ и многіе другіе. Сперва были прочитаны отчеты секретарей общества, отдѣленій и отдѣловъ. Чтобы охарактеризовать количество работы членовъ общества, А. А. Тихомировъ указалъ, что въ настоящее время рефераты общества составляють уже 42 довольно значительныхъ тома. В. П. Михайловскій, секретарь этнографическаго отдѣленія, указалъ на однообразіе рефератовъ отчетнаго года, причемъ остановился на главныхъ изъ нихъ: Д. И. Цювайскаго, проф. Самойлова, Н. М. Яришцева, своихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Секретарь антропологическаго отдѣла сообщилъ, между прочимъ, что уже получился откликъ съ разныхъ концовъ Россіи гг. врачей, на приглашеніе ихъ производить антропологическія измѣренія при осмотрѣ рекрутъ. Высокопреосвященному Іоаннику было предложено званіе почетнаго члена общества, затѣмъ прочтенъ списокъ дипломовъ, назначенныхъ обществомъ за заслуги разнымъ своимъ членамъ и, наконецъ, Н. Н. Милуха-Маклаю было произнесено привѣтствіе, по поводу его возвращенія въ Россію, уваженіе къ его дѣятельности и была поднесена золотая медаль. Предсѣдатель г. Щуровскій охарактеризовалъ ученія заслуги этого русскаго путешественника, указавъ на трудности, испытанныя имъ и закончилъ словами: «Милостивые государи! по чувству патриотизма скажемъ ему наше большое русское спасибо!» Отвѣтомъ послужили взрывы рукоплесканій, послѣ чего Н. Н. Милуха-Маклай, выражая свою благодарность, приступилъ къ сообщенію объ анатомическихъ и этнографическихъ особенностяхъ палеусовъ.

— На-дняхъ въ Брюсселѣ, по словамъ «Страны», открыта выставка картинъ Верещагина.

— Съ 1-го января 1883 года въ Казани будетъ выходить новая ежедневная газета «Волжскій Вѣстникъ», подъ редакціей профессора Загокина, гдѣ примутъ участіе многіе лучшие профессора, а также и многіи лица изъ новоложской интеллигенціи, выступавшей въ одномъ изъ наилучшихъ провинціальнхъ изданій «Камско-Волжской газетѣ», издававшейся въ 1872—74 годахъ. Отъ души желаемъ успѣха этому начинающемуся органу.

«НЕСОРАЕМАЯ ИЗБА» Г. СОНЦЕВА.

Несорамость построекъ—это такой вопросъ, который не можетъ не интересовать всякаго русскаго обывателя: города и села такъ страшно выгораютъ у насъ на югъ и сѣверъ, на востокъ и западъ, убытки отъ этихъ несорачаемыхъ пожаровъ такъ громадны, что ва-

жеда на осуществленіе несорамости зданій не можетъ не оставаться самое серьезное вниманіе всякаго изъ насъ. Естественно поэтому, что естественная мысль г. Сонцева успѣла уже обратиться на себя вниманіе общества, и что земства одно за другимъ приглашаютъ его сообщить имъ непосредственно о его изобрѣтеніи. На-дняхъ г. Сонцевъ былъ и въ Подгва, гдѣ по приглашенію земской управы сообщилъ собравшимся членамъ экстреннаго земскаго собранія о своей несорамой избѣ и показалъ небольшую модель ея, сдѣланную изъ того же матеріала, изъ котораго предполагается соорудить и самую избу. Такимъ образомъ и гласнымъ, и публикѣ представилась возможность ознакомиться съ этимъ изобрѣтеніемъ изъ перваго источника.

Изба г. Сонцева относится къ ряду построекъ глинобитныхъ, т.-е. такихъ, матеріалъ которыхъ состоитъ исключительно изъ глины, утрамбовываемой и уплотняемой до послѣдняго предѣла плотностію. Постройки изъ такой глины—какъ посылитъ г. Сонцевъ, соорудилъ уже давно но раннѣ изобрѣтенія г. Сонцева онѣ состояли не изъ одной только глины, а вмѣстѣ съ нею и изъ дерева, изъ котораго дѣлались балки и стропила; по этой причинѣ постройки эти къ числу несорамыхъ отнесены быть не могутъ; они успѣли однако доказать неопровержимо большую прочность упомянутой глины, какъ строительнаго матеріала, и потому все-же таки имѣютъ громадное значеніе и для настоящаго случая. Задавшемъ рѣшеніемъ вопроса о несорамости, г. Сонцевъ долженъ былъ устранить всякую примѣсь дерева и найти способъ исключительнаго приращенія глины. Способъ этотъ—но его идѣй—заключается въ замѣнѣ кирпичи глинянымъ же сполвомъ, перекидываемымъ съ одной продольной стѣны на другую. Поперечныя стѣны пристраиваются по окончаніи свода, и получается зданіе, въ которомъ, кромѣ дверей и оконныхъ рамъ, нѣтъ никакихъ деревянныхъ частей.

Пріемы постройки такого несорамеаго зданія заключаются главнымъ образомъ въ равномерномъ уплотненіи глиняной массы. Всюмогательными средствами служатъ для этого устанавливаемые съ двухъ сторонъ возводимой стѣны досчатые щиты, а для свода—обшивочныя круглая. Окончательная отдѣлка состоитъ въ подвѣшеніи карнизовъ и конька крыши и затѣмъ, въ обжиганіи избы днури. Обжиганіе, но свидѣтельству г. С., дѣлается въ внутренней поверхности стѣны нѣчто въ родѣ штукатуры, имѣющей консистенцію кирпича, и заканчивается просушкой всей постройки. Надо имѣть въ виду, что глина для такого рода построекъ берется чистая, не-содержащая ни песку, ни черзую, и что крыша смазывается дегтемъ и затѣмъ посыпается пескомъ, что, по словамъ г. С., предохраняетъ ее вполнѣ отъ размачиванія и всякой порчи, обусловливаемой дождемъ, снѣгомъ и сыростью. Остается затѣмъ упомянуть, что кругомъ всей избы дѣлается довольно широкая завалинка, которая не дозволяетъ водѣ, могущей накопиться вокругъ избы въ сырое время года, подымать основаніе стѣнъ. Въ въ общемъ чертѣ и все описание сооруженія несорамеой избы.

Несорамость ея, какъ то и очевидно, позная. Выгоды глинобитной избы не ограничиваются, однако, одною только несорамостью. Кромѣ ея, какъ указываютъ г. С., получаются еще сами собой и другія важныя удобства: всего прежде бросается въ глаза то, что крупная вѣстимость внутренняго пространства такой избы, вслѣдствіе сводчатости постройки, превосходитъ кубическую вѣстимость обыкновенной избы, имѣющей однакоже линейное протяженіе и одинаковую высоту стѣнъ; затѣмъ, нельзя не замѣтить, что исправленіе всѣхъ возможныхъ въ такой избѣ поврежденій можетъ быть произведено чрезвычайно легко; даѣе, сырость устраняется окончательно и, наконецъ, провѣтриваніе очень легко устраивается посредствомъ нарочно продѣлываемаго для того отверстія въ свѣтъ. Что касается цѣнности такой избы, то она зависитъ, конечно, какъ отъ стогности рабочихъ рукъ данной мѣстности, такъ и отъ близости глины и воды отъ мѣста постройки и—кромѣ того еще—отъ количества такихъ построекъ, такъ какъ одинъ и тѣ же досчатые щиты и круглая могутъ служить для неопредѣленнаго количества зданій, возводимыхъ одновременно. Это обстоятельство имѣетъ особую важность для бѣднѣйшаго попомъ, гдѣ щиты и круглая могутъ быть пріобрѣтаемы на общественный счетъ и гдѣ, такимъ образомъ, эта самая дорогая издержка можетъ быть разложена на отдѣльныя избы и представлять для каждой изъ нихъ совершенно ничтожную затрату.

Къ этимъ выгодамъ г. Соцевъ могъ бы прибавить еще и чрезвычайное легкое дезинфицированіе глиняныхъ избъ посредствомъ повторительнаго ихъ выжиганія и — съ большимъ вѣроятіемъ — благотворное вліяніе способа ихъ сооруженія на общественныя условія жизни селъ, такъ какъ цѣнность избъ находится въ прямой зависимости отъ степени развитія общественной солидарности.

Что касается вентилляціи, то едва ли правъ г. С., предлагая устройство отверстія для нея въ сводѣ. Сквозъ такое отверстие легко можетъ попадать въ избу вода отъ дождя и тающаго снѣга. Гораздо практичнѣе — какъ я думаю — устраивать вентиляціонное отверстие въ одной изъ стѣнъ, какъ то дѣлается очень часто въ Сибири. Очень вѣроятно, что гигиеническія условія избы г. С. должны быть поставлены выше гигиеническихъ условій избы обыкновеннаго типа, но для окончательнаго установленія ея полного превосходства необходимо еще испытать, въ какой мѣрѣ участвуетъ въ ея вентилированіи воздухопроводимость самихъ стѣнъ ея. Этотъ путь оздоровленія воздуха въ жильѣ, какъ доказалъ Петенкоферъ, есть самый дѣйствительный, и нельзя не пожалѣть, что г. С. вовсе не коснулся этого вопроса.

Остается затѣмъ вопросъ о способахъ, какими можетъ быть осуществлена заміна терпящихъ избы жилищными. Г. Соцевъ полагаетъ, что приверженность къ привычному у крестьянъ можетъ быть преодолѣна лишь только путемъ насильственныхъ мѣропріятій. Онъ думаетъ, что земства должны исходатайствовать у правительства закладную мѣру и, опираясь на нее, приступить къ постепенной ломкѣ въ селахъ старыхъ избъ и возведенію новыхъ. Г. Соцевъ, какъ видно изъ этого, немного фанатичъ своей идеи; но фанатизмъ этотъ едва ли классობраенъ. Не говоря о томъ, что побѣду можетъ одержать одна лишь очевидность; не останавливаясь на томъ, что есть множество самыхъ разнообразныхъ примовъ прихожичанья, я думаю, что даже и послѣ полной неудачи очевидности и полнаго фiasco всевозможнаго прихожичанья, насилье все же цѣль не достигнетъ и сдѣлаетъ только глиняную избу навѣянъ ненавистною для крестьянина.

Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ г. С. о значеніи первыхъ по времени избъ его по отношенію къ пожарамъ. Онъ думаетъ, что если десятилѣтніе двадцатая изба въ селѣ будетъ жилищная, то этого уже достаточно для спасенія села отъ конечнаго истребленія огнемъ, такъ какъ пожаръ будто бы далѣе этихъ избъ распространиться не можетъ. Известно однакоже, что во время пожаровъ огонь перескакиваетъ не только черезъ одно строеніе, но черезъ цѣлый рядъ ихъ, а иногда, какъ напримеръ, въ Красноярскѣ въ прошломъ году, черезъ нѣсколько кварталовъ. Нельзя ожидать, съ довѣрительностію, чтобы одна, двѣ глиняныя избы могли останавливать пожаръ, и надо полагать, что только послѣ значительнаго ихъ распространенія, значеніе ихъ станетъ не только частнымъ, но и общественнымъ.

Окончательное сужденіе объ избѣ г. С. было бы теперь, конечно, преждевременнымъ: для того, чтобы произнести его, надо увидѣть не модель избы, а самую избу, да и то послѣ разнообразныхъ превратностей. Теперь же можно сказать только, что осуществленіе возлагаемыхъ на нее ожиданій имѣетъ большую вѣроятность и что на успѣшность ея распространенія, если не помышлять безтактности мѣропріятій, тоже можно рассчитывать. Пока отроду уже и то, что мы имѣемъ передъ собой изобрѣтеніе, рассчитанное на пользу трудящаго большинства, а потому и не можемъ не произнести съ уваженіемъ и благодарностію имя г. Соцева, какъ одного изъ такихъ изобрѣтателей, число которыхъ очень и очень незначительно.

В. Л.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 19 октября. Курсы на Лондонъ на 3 мѣс. 24¹/₂ пенса за рубль, на Парижъ 253¹/₂ сантим., на Гамбургъ 205¹/₂ пфен. Полуметриалы 8 р. 19 к., рубль сереб. 1 р. 40 к.; 5⁰/₁₆ бнл. Госуд. Банка 1 вып. 94⁵/₈, 2 вып. 90¹/₂, 3 вып. 90²/₄, 4 вып. 90¹/₄, 5 вып. 90. Восточный заемъ 88¹/₂, 5⁰/₁₆ Первый выигр. заемъ 210, Второй выигр. заемъ 203¹/₂. Облг. Сиб. гор. кред. общ. 84¹/₂, 5⁰/₁₆ закл. лист. общ. взаим. помоз. кред. (металл.) 129⁷/₈, 5⁰/₁₆ рента 97³/₄, 6⁰/₁₆ закл. лист. Тульск. зем. банка 94, Моск. зем. банка 98¹/₂, Сар.-Симб. зем. банка 78¹/₂, Тифлесск. зем. банка 86¹/₂. Акт. Сиб. торг. банка 338, акт. парох. общ. «Кавк. и Мерк.» 462, акт. парох. общ. «Самолетъ» 188, акт. Главн. общ. Рос. ж. д. 249, акт. Рым.-Бол. ж. д. 61. Настрѣеніе биржи съ курсомъ и бумагами падаетъ, въ Берлинѣ русскіе кредит. билеты по 202 марк. 60 пфен. за 100 руб.

Опечатки.

Въ № 29, въ отдѣлѣ библиографіи при характеристикѣ сибирскихъ городовъ, при наборѣ перемѣщенъ нѣкоторый слогъ, который искажаетъ смыслъ. Такъ слогъ со словъ «здѣсь какъ и въ Москвѣ» (стр. 51 сл.) до слова «душевнонаивно» относится къ характеристикѣ Томска, а слова «давно объявленнаго столицей Сибири» (стр. 33) до выраженія «ретрандихъ мѣста къ Иркутску».

Въ статьѣ «Тысяча одна ночь изъ туркестанской жизни» на стр. 13 въ томъ же № замѣную Гуюсъ слѣдуетъ читать Гуюсъ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ.

КЪ ВОПРОСУ ТРЕХСОЛѢТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 3 р.

Въ книжкомъ складѣ Стасюлевича, Вас. стр. 2 лив., д. 7; также въ конторѣ Редакціи «Восточнаго Обзорнія».

ОЧЕРКИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛІИ

ПУТЕШЕСТВІЯ 1876—1877 гг.

Г. Н. ПОТАНИНА.

С.-Петербургъ, 1881 г.

Цѣна 3 р.

ВЪ СѢВЕРНОМЪ КНИЖНОМЪ АГЕНТСТВѢ

С.-Петербургъ, Пушкинская ул., № 10, кв. 129.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БРОШЮРА

300 ЛѢТЪ ПОКОРЕННОЙ СИБИРИ.

Цѣна 25 к., съ пересыл. 30 к. Книгопродавецъ уступка.

АКУШЕРКА (СИБИРЯЧКА),

окончившая курсъ при казанской больницѣ, желаетъ получить мѣсто въ Сибири. Адресъ: Редакція «Восточнаго Обзорнія», акушеркѣ Е. Л.